

А. П. К А Ж Д А Н

ЗАГАДКА КОМНИНОВ

(Опыт историографии)

Вначале мне хотелось бы напомнить несколько общеизвестных и общепринятых положений для того, чтобы тем самым добиться возможно более точной постановки проблемы. Династия Комнинов управляла Византийской империей чуть более ста лет — с 1081 по 1185 г. Она пришла к власти в тот момент, когда империя находилась на краю гибели, раздираемая внутренними смутами и вынужденная сражаться против таких опасных врагов, как норманны, сельджуки и печенеги. В правление первого из Комнинов — Алексея I (1081—1118) — империя смогла остановить натиск неприятеля и справиться с мятежами знати; при его ближайших преемниках — Иоанне II (1118—1143) и Мануиле I (1143—1180) — империя расширяет границы и выступает как одна из ведущих сил в средиземноморской политике.

Так возникает первый вопрос: каковы причины политического возрождения империи ромеев?

Но если мы проследим дальнейшую судьбу империи, ее судьбу при последних Комнинах — малолетнем Алексее II (1180—1183) и Андронике I (1183—1185): обострение социальных противоречий, нарастание внешнеполитического кризиса — перед нами встанет другой вопрос: каковы причины нового политического упадка Византийского государства?

Здесь в нарушение логики исследования я позволю себе одно априорное заявление: оба эти вопроса лишь по внешности кажутся обособленными, тогда как на самом деле тесно между собой связаны и являются двумя сторонами одной проблемы, ибо причины подъема империи объясняют и ее упадок. Но сейчас было бы преждевременно говорить об этих причинах — я хочу лишь оправдать рассмотрение в пределах одной статьи двух вопросов, внешне кажущихся независимыми.

«Загадка Комнинов» (под этим условным термином будем понимать совокупность обоих вопросов) — отнюдь не новая проблема. По этому поводу в историографии последних двух столетий высказывались разнообразные суждения. Естественно, что исследователю, задумывающемуся над этой загадкой, нужно отдать себе отчет в состоянии историографии. Выше я сформулировал проблему — она напрашивается из простого наблюдения за ходом политических событий, она ясна самому поверхностному наблюдателю. Но стоит нам задуматься над путями к решению «загадки Комнинов», как ситуация оказывается более сложной.

Действительно, что перед нами — историческая случайность, или результат деятельности правителей Византийской империи, или производная каких-то более глубоких, экономических и социальных причин? В разные времена историки разных направлений искали решения проблемы

на разных путях. Какие же точки зрения были ими высказаны, какие аргументы собраны? Какие взгляды мы можем теперь отвергнуть как наивные, рожденные плохим знанием источников, вызванные порочностью методологии или политическими заблуждениями исследователей? Какие, напротив, выдерживают проверку времени и поныне остаются действительными?

В историографии есть два аспекта. Сочинения историков можно рассматривать как произведения общественной мысли того или иного времени, как выражение и отражение в особом материале социальных, политических, националистических, партийных страстей и споров. Это большой, интересный и важный аспект, позволяющий, собственно говоря, выделить историографию как особую науку. Но есть у нас и другой аспект — если так можно выразиться, вспомогательный, подсобный, практический: это — изучение методов и приемов, ошибок и достижений исследователей с тем, чтобы избежать собственных ошибок и усовершенствовать собственные методы. Чем более общим является предмет историографического очерка, тем явственнее преобладает в очерке первый аспект историографии: средние века вообще или даже история Византии как целое, с одной стороны, давали достаточный простор для деятельности сильных умов и, следовательно, для адекватного выражения идеологической борьбы; с другой стороны, подобные темы настолько множественны, предполагают приложение столь разнообразных исследовательских методов, что практическая (с подсобными целями) историография в данном случае приведет к раздроблению внимания на сотни независимых ручейков и протоков, подчас не скрещивающихся между собой.

Наоборот, тема сравнительно узкая оказывается малоприспособленным объектом для историографии как истории идеологии; заключения, на ее основе сделанные, слишком частны, чтобы не быть случайными; в таком случае мы имеем дело обычно не с крупными мыслителями, а с рядовыми исторической профессией, часто питающимися идеями вчерашнего дня. Зато сама ограниченность темы благоприятствует практической историографии, ибо исследователь имеет дело с обозримым кругом методов и задач.

Иными словами, если история европейской идеологии, преломленная через призму отношения двух-трех десятков византинистов к династии Комнинов, поневоле примет уродливые и ложные формы (или будет подтягиваться к априорным схемам и, следовательно, служить лишь иллюстрацией к известным, хотя и справедливым тезисам), — практическая историография вопроса должна послужить исходным пунктом решения «загадки Комнинов».

После этих предварительных замечаний сформулируем задачу статьи. Она сводится к практической историографии вопроса о подъеме и упадке Византии в период правления династии Комнинов.

В XVI—XVII столетиях интерес к истории Византии удовлетворился по преимуществу изданием византийских хроник (часто — серий хроник, дававших более или менее последовательное описание судеб государства ромеев) или комментариями к известному кругу источников¹. Наиболее величественная фигура среди византинистов тех лет — Дюканж — посвятил Комнинам целый раздел в «Византийских фамилиях»², но мы на-

¹ См., например, L. Cousin. Histoire de Constantinople depuis de l'ancien Justin jusqu'à la fin de l'Empire. Paris, 1672—1674. Ср. В. Г. Васильевский. Обзорные труды по византийской истории. СПб., 1890; E. Gerland. Das Studium der byzantinischen Geschichte von Humanismus bis zur Jetztzeit. Athen, 1934.

² C. du Fresne du Cange. Historia byzantina. Lutetiae Parisiorum, 1680, p. 169—189. Очень важен также комментарий Дюканжа к Киннаму (см. Ioannes Cinnamus. Epitome. Bonnæ, 1836, p. 313—398).

прасно бы стали там искать какие-то попытки решить «загадку Комнинов». Дюканж ограничивается лишь списком членов этого знатного рода и общением фактов их жизни.

Лишь с середины XVIII в. начинается новый этап византийской историографии, когда от пересказа и комментирования хроник переходят к осмыслению их материала, к робким попыткам сопоставить свидетельства нарративных источников и составить собственное суждение. У порога этого этапа стоит трехтомная книга французского автора М. де Бюриньи «История революций в Константинопольской империи».

Не знаю, что навяло автору такое название: свежий ветер из-за Ламанша или страх перед назревающей революцией во Франции. Впрочем, книга де Бюриньи — не история византийских революций, а просто история Византии, доведенная до 1453 г. В разделе, посвященном Комнинам, главнейшее место отведено внешнеполитическим успехам династии, предстатели которой оцениваются вполне апологетически: автор говорит о «великих трудах» Алексея I, о признании его достоинств даже западными хронистами³, еще больших похвал удостоивается Иоанн II (стр. 280). Более сдержан де Бюриньи в оценке Мануила I: он прославляет внешнеполитические успехи третьего Комнина, но ставит ему в упрек плохо продуманную экономику (или *oeconomie mal entendue*), называя это «огромной ошибкой против доброй политики» (стр. 308). Упрек остается, впрочем, расплывчатым, неконкретным.

Характеристику Андроника I де Бюриньи начинает с резкого обвинения в тирании; особенное возмущение историка вызывает убийство юного Алексея II (стр. 324 и сл.). Но писатель готов признать и «большие достоинства» этого монарха: его действия против «грандов», защиту населения провинций, либерализм и справедливость; Андроник уничтожил береговое право; доходы в его царствование возросли без того, чтобы народ страдал (стр. 335 и сл.).

Заметим эти суждения — они еще не раз встретятся нам в сочинениях позднейших историков. Впрочем, сам де Бюриньи тоже не оригинален: его оценки опираются на мнения византийских хронистов — Анны Комнин, Иоанна Киннама и Никиты Хониата, — лишь в какой-то мере пополненные и подкрепленные ссылкой на «западных писателей». Вполне понятно, что де Бюриньи, следуя за средневековыми авторами, видит загадку проблемы в личных свойствах государей: Алексей I обладал достоинствами — отсюда его успехи, Мануил I не соблюдал принципов «доброты политики» — и под конец царствования потерпел разгром от сельджуков. Правда, Андроник I, щадивший подданных и сдерживавший знать, вел, казалось бы, более разумную политику, нежели его предшественники, — чем же объяснить его неуспех? На помощь де Бюриньи приходит тирания Андроника, вызвавшая возмущение подданных...

Поскольку для де Бюриньи секрет истории заключается в личных свойствах монархов, вопросы внутренней политики (кроме раздела об Андронике) не возникают перед ним. Он лишь мимоходом отмечает, что Алексей I ввел новые титулы для знати (стр. 229), словно и в самом деле раздача пустых титулов могла бы привлечь аристократию на сторону узурпатора.

В 1768 г. в Лейпциге вышла в свет «История восточной империи» И. Д. Риттера, представлявшая собой немецкий перевод соответствующей части английской всемирно-исторической хроники У. Гутри и Дж. Грея. Риттер снабдил текст ссылками на источники, критическими замечаниями и

³ M. de B u r i g n y. Histoire des révolutions de l'Empire de Constantinople, t. II. Paris, 1750, p. 266, 269. Есть немецкий перевод: Historie der Staatsveränderungen des Kaiserthums zu Constantinopel. Hamburg, 1754.

дополнениями, касающимися преимущественно внешнеполитических событий, но основное изложение осталось прежним. Оценки первых Комнинов у Риттера немногим отличаются от оценок де Бюриньи: и он считает Алексея I выдающимся государственным деятелем (*der beste Staatsmann seiner Zeit*)⁴; он говорит об Иоанне как о человеке с добрым сердцем, которого любили подданные (стр. 672)... Только Андроник получил в англо-немецком компендиуме более суровую характеристику: он выступает жестоким тираном (стр. 690 и сл.), а о его реформах, известных де Бюриньи, нет ни слова ни в переводном тексте, ни в дополнениях Риттера.

Значительно более подробно и более самостоятельно было охарактеризовано правление Комнинов в многотомной «Истории Поздней империи» Ш. Лебо⁵.

В отличие от де Бюриньи и Риттера, Лебо критически оценивает деятельность Алексея I. Он готов признать первого Комнина одаренным человеком, — но, увы, затруднения, с которыми тот встретился, свели к нулю таланты Алексея (т. 17, стр. 470 и сл.). Да, полагает Лебо, Алексей знал право и охотно разбирал тяжбы своих подданных — и его можно было бы причислить к добрым государям (*entre les bons Princes*), когда бы он не приносил справедливость в жертву своему произволу (т. 18, стр. 431 и сл.). Победа над печенегами принесла бы Алексею бессмертную славу, если бы только не безмерные притеснения (*énormes vexations*), которые стоили ему чести (стр. 114). Деятельный и неутомимый, Алексей был великим полководцем, достойным восхищения даже в поражении, но его общественные добродетели (*virtus civiles*) уступали военной доблести. «В нем можно видеть смешение добра и зла, находившихся почти в идеальном равновесии» (стр. 477 и сл.).

Описание внутренней политики Алексея занимает сравнительно малое место в труде Лебо, но в отличие от своих предшественников он не ограничивается общими рассуждениями, а указывает ряд конкретных фактов. Алексей ввел огромные налоги, которые разрушили государство (стр. 478), безжалостные и скаредные податные сборщики свирепствовали в провинциях (стр. 114). [Правда, вразрез с этим Лебо утверждает, что Алексей ограничил жадность податных сборщиков, установив строгий размер налогов (стр. 456).] Родня и министры Алексея поглощали государственные доходы и сосали кровь подданных (стр. 478). Император прибегал к столь губительному средству, как порча монеты (стр. 115). Он не уважал права собственности (*les droits de propriété*) и считал себя не управителем (*l'administrateur*), а владыкой (*le maître*) общественных благ. Он был отравлен порочными идеями деспотизма (стр. 479), и неудивительно, что ему постоянно приходилось наталкиваться на недовольство и заговоры (стр. 431).

Даже задача титулов, в которой де Бюриньи наивно усматривал важнейшее средство укрепления позиций новой династии, вызывает колкие насмешки Лебо. «Можно лишь посочувствовать, — говорит он, — государю, вынужденному прибегать к столь ребячьим средствам, и пожалеть охваченное бредом государство, которое создает все более пышные титулы по мере того, как падает его авторитет» (т. 17, стр. 473). [Любопытно при этом, что пожалование венецианцам весьма выгодных торговых привилегий (стр. 516) не вызывает возмущения Лебо, хотя позднее в провенециан-

⁴ J. D. Ritter. Die Geschichte des orientalischen Kaiserthums.— In: Allgemeine Weltgeschichte von der Schöpfung an bis auf gegenwärtige Zeit... von W. Guthrie, J. Gray, Bd. V, 1. Leipzig, 1768, S. 663.

⁵ Le Beau. Histoire de Bas-Empire, t. 17—20. Paris, 1775—1776. В 1824—1836 гг. книга Лебо была выпущена вновь в переработке М. де Сен-Мартэна и М. Бросса. Относящиеся к Комнинам разделы приходятся на т. 15—16 (Paris, 1823—1824).

ской политике Алексея будут усматривать один из важнейших факторов, вызвавших экономический упадок Византии.]

Мы должны отдать дань уважения смелым словам, сказанным накануне Французской революции. Лебо, обрушиваясь на Алексея, мегит во французский абсолютизм: недаром он говорит о пороках византийского императора, которые «последующие поколения, убежденные, что государи рождены для подданных, не прощали даже самым выдающимся людям» (т. 18, стр. 478). Мы можем понять темпераментные инвективы Лебо, но Алексей, с которым он имеет дело, — это плод политических дискуссий второй половины XVIII в. Неужели действительно Лебо мог думать, что податные вымогательства и нарушение справедливости составляют достаточные основы для упрочения государственного порядка? Конечно, нет, — и он завершал свою характеристику царствования первого Комнина утверждением, что государство находилось в плачевном состоянии (стр. 480).

Не вдаваясь сейчас в детальную проверку приведенных Лебо конкретных фактов (мы еще вернемся к ним, поскольку их не раз затрагивали премьники французского историка), следует тут же сказать, что плачевным было состояние империи накануне переворота 1081 г. и в сравнении с этим ее положение к 1118 г. несомненно укрепилось. Лебо ставит Алексею в вину пренебрежение правом собственности, но когда и какой византийский император уважал собственность своих подданных? Перед нами любопытный пример оценки прошлого с позиций современности.

Алексею Лебо откровенно противопоставляет его сына и наследника Иоанна, который был наделен не только отцовской храбростью и умом, но и вообще не знал пороков. Иоанн достоин был родиться в Риме, его можно назвать константинопольским Марком Аврелием (т. 19, стр. 91 и сл.). Что же восхищает Лебо в этом новом Марке Аврелии?

Оказывается, Иоанн восстановил древнюю дисциплину, изгнал из двора роскошь, был либеральным и великодушным. Двор ревностно подражал достойному государю. «Добродетель стала средством, чтобы привлечь благосклонность, порок перестал быть придворным». Счастливое правление Иоанна не знало возмущений и заговоров (стр. 92 и сл.).

Какая разительная перемена! И все объясняется благородством характера императора. Впрочем, не принимает ли Лебо желаемое за действительное?

И впрямь — ведь он не может назвать ни одного факта, оправдывавшего его эмоции. Какие меры были приняты Иоанном, чтобы покончить с вымогательствами податных сборщиков, бесчинствовавших при его отце, — Лебо молчит об этом. А что касается заговоров и возмущений, то утверждения французского историка просто неверны. Именно Иоанну пришлось подавлять сопротивление крестьян, живших на островах озера Каралис. При «либеральном» Иоанне надолго отложился Трапезунд. Не раз даже ближайшие родственники императора перебежали к сельджукам. Положение вовсе не было столь безоблачным, как его рисует Лебо.

Мануил — третий представитель династии — в начале царствования являл собой «образец королевских добродетелей», но развращенный своими министрами, он преисполнился надменности и стал обращаться с людьми как с рабами. Фавориты и наложницы заставляли его разорять подданных, а войны порождали бесчисленные расходы (стр. 120, ср. стр. 468) [совсем по-иному говорит Лебо о войнах своего любимца Иоанна, стараясь оправдать его походы и завоевания (стр. 93)]. Мануил исторгал у подданных слезы и раздорами налогов, и злоупотреблениями при взыскании; он отдавал общественные должности (magistratures) откупщикам (fermiers publiques). Интенданты его домена спустили все самые плодородные земли (стр. 466). Со скорбью взирали разоренные подданные на возводимые

здания, стоившие огромных денег (стр. 469). Мануил, продолжает Лебо, благоволил монастырям (стр. 470 и сл.); он не платил жалованья войскам, возложив их содержание на провинции, что еще более отягчало положение подданных. Города обезлюдели, ремесло и торговля пришли в упадок. Тиранический режим уничтожил понятие о чести (*tout sentiment d'honneur*): жителей продавали в рабство (стр. 473—475).

По поводу этой печальной картины, нарисованной Лебо, можно сказать то же самое, что уже было сказано в связи с его описанием царствования Алексея I: вся она, вплоть до терминологии (*fermiers publiques, les intendants de domaine*), навеяна французской действительностью накануне революции. Византийские источники не дают оснований для подобных заключений: никак нельзя сказать, например, что Мануил покровительствовал монастырям, — напротив, он стремился поставить их под контроль государственной власти; византийское ремесло в середине XII в. переживало подъем, возникали новые города; именно в царствование Мануила империя не раз пыталась помешать проникновению на восток венецианцев. Конечно, положение народных масс оставалось незавидным, но нет никаких оснований считать, что оно принципиально ухудшилось в сравнении с царствованием «доброего» Иоанна.

Подводя итоги политики трех первых Комнинов, Лебо называл ее бесплодной, считая, что им удалось не возродить государство (*ils ne le releverent pas*), а лишь отдалить его падение (стр. 312). Впрочем, в другом месте он заявляет, что Комнины возродили империю (*avoient relevé l'Empire*), находившуюся на грани падения (т. 20, стр. 5). Противоречие, однако, скорее терминологическое, нежели по существу, ибо чуть дальше мы читаем, что государство переживало при этих государях кризис (стр. 10).

Что же касается Андроника, то в его характеристике Лебо, в сущности, примыкает к де Бюриньи, всячески подчеркивая жестокость этого императора (стр. 87). Все его добрые качества не могут искупить и малой части его преступлений (стр. 116). Но в «добрых качествах» (*qualités estimables*) у Лебо нет никаких сомнений: Андроник был скромн в еде и питье, помогал бедным, преследовал беззакония сильных, боролся с монополиями и продажей должностей, добился дешевизны продуктов, уничтожил варварский обычай грабить корабли, потерпевшие крушение, не любил богословских диспутов, зато ценил ученых (стр. 112—115).

Итак, в изображении Лебо состояние общества определяется исключительно личными свойствами государей: Иоанн был благодетель, и подданным жилось при нем хорошо; Алексей и Мануил выжимали из подданных соки; Андроник облегчил положение народа, но его кровавый террор был невыносим. В целом же — и тут Лебо определенным образом вступает в противоречие с фактами — политика Комнинов оказалась безрезультатной. Столетнее возрождение империи просто-напросто списывается со счетов, а внутреннее ее положение обрисовывается гораздо более черными красками, чем следовало бы.

Концепция Лебо имела огромное влияние на последующую историографию. Даже столь самостоятельный ум, как Гиббон⁶, остается вполне в рамках схемы Лебо. Призная мужество и прозорливость Алексея I, Гиббон, как и Лебо, говорит, что роскошь родни императора возмущала знать. Согласно Гиббону, суеверие и лицемерие запятнали характер

⁶ E. Gibbon. *Decline and Fall of the Roman Empire*. London, 1776—1788. В 1897—1900 гг. книга переиздана с дополнениями Дж. Бури. Характеристика династии Комнинов помещена в V томе этого издания (London, 1898, p. 226—241). Я даю ссылки на русский перевод: Э. Г и б о н. *История упадка и разрушения Римской империи*, т. V. М., 1885.

Алексея, а жители столицы были недовольны его суровостью (стр. 363—365).

Напротив, для второго Комнина Гиббон находит лишь розовые краски: Иоанн целомудрен и воздержан, презирает роскошь дворца, любим подданными, так что за все его царствование не было ни заговора, ни мятежа. «Под властью такого монарха невинности нечего было опасаться, а для личных достоинств было открыто самое широкое поприще» (стр. 366). Мануил не унаследовал «общественных добродетелей» отца, любил роскошь, истощил казну и обременял подданных налогами (стр. 367—369). Наконец, Андроник выступает как двойственная и противоречивая натура: «Когда он увлекался своими страстями, он был бичом своего народа, а когда внимал голосу рассудка, был для этого народа отцом» (стр. 377).

Таким образом, Гиббон не вносит ничего нового в характеристику Комнинов. Еще ближе к схеме Лебо держится Ж. К. Ройу, местами буквально переписывающий своего предшественника: в характере Алексея он находит, например, «смешение добра и зла» и вслед за Лебо заявляет, что этот государь считал себя собственником, а не управителем общественных благ⁷. В согласии со своим предшественником Ройу винит Алексея в полном расстройстве финансов и в ухудшении монеты, всерьез уверяя, что при первом Комнине драхма была приравнена к оболу (стр. 203).

У Лебо заимствует Ройу и панегирик Иоанну, которого он именует лучшим государем Византийской империи (стр. 280), константинопольским Марком Аврелием, чьи блестящие качества не запятнаны ни единым пороком (стр. 297). У Лебо заимствует Ройу также характеристику Мануила (стр. 341—344) и Андроника (стр. 368).

За Лебо следовал и другой французский писатель — П. Нугаре⁸.

По существу те же оценки лежат и в основе несколько более поздней работы М. де Аммера. Этот историк особенно резко судит об Алексее, соединявшем в своей политике ум и коварство⁹. Опираясь на слова Зонары, Аммер утверждает, что Алексей сотрясал древние учреждения империи и в ущерб знати возвышал своих родственников (стр. 396). Оказывается также, что Алексей установил монополии на хлеб, оливковое масло и другие продукты (стр. 400).

В адрес Иоанна Аммер находит лишь добрые слова: император был либерален, благочестив, скровен, добросердечен, положение государства при нем улучшилось (стр. 409 и сл.). Единственно, в чем Аммер расходится с Лебо, это оценка Мануила, которого историк стремится оправдать от обвинений в предательстве дела крестоносцев (стр. 411 и сл., 423). Работа Аммера не затрагивает вовсе внутренней политики Иоанна и Мануила и ограничивается лишь психологической характеристикой обоих государей. Политическая линия Комнинов выводится им, как и его предшественниками, из свободно конструируемого душевного склада императоров: при Алексее она была будто бы скрытной и коварной, при Иоанне — смелой и честной, при Мануиле — неровной, беспокойной, легко доходящей до крайностей (стр. 425).

Отход от суровой оценки, данной Лебо династии Комнинов, заметнее проявляется у других авторов первой половины XIX в. Греческий историк

⁷ J.-C. R o u o u. Histoire de Bas-Empire depuis Constantin jusqu'à la prise de Constantinople en 1453, t. III. Paris, 1803, p. 278. Книга была переиздана в 1814 г.

⁸ P. J. B. N o u g a r e t. Anecdotes de Constantinople ou du Bas-Empire. Paris, 1799. Ему же принадлежат анонимно изданные сочинения: Abrégé de l'histoire du Bas-Empire par Lebeau. Paris, 1806; Précis de l'histoire du Bas-Empire ou Anecdotes de Constantinople. Paris, 1806; Beautés de l'histoire du Bas-Empire. Paris, 1811 (второе издание — 1814 г.). Эти работы мне недоступны.

⁹ M. de N a m m e r. Examen critique des historiens d'Alexis Comnène et des trois princes de sa famille qui lui ont succédé, et principalement de leur politique envers les croisés. Fundgruben des Orients 5, 1816, S. 394.

Д. Александридис высоко оценивает личность не только Иоанна¹⁰, но и Алексея (стр. 213), тогда как Мануила он обвиняет в безнравственности¹¹, а Андроника изображает жестоким тираном, угнетавшим всех — независимо от рода и состояния (стр. 220). Впрочем, Александридис ограничивается лишь внешним описанием событий, не затрагивая вовсе внутренней истории. Как и Риттер, он не упоминает даже о реформах Андроника.

Та же тенденция свойственна и работе И. Ертова, основанной, по собственному заявлению автора, на труде Ройу и сокращениях Лебо и Гиббона¹². И действительно, в оценке Иоанна Ертов полностью зависит от Лебо и Ройу — вплоть до эпитета «Марк Аврелий Константинопольский» и уверений, что никакое пятно не помрачило это блистательное царствование (ч. III, стр. 215). Но в оценке Алексея Ертов порывает со своими источниками. Правда, мы найдем и у него фразу Лебо, повторенную Ройу, о смеси добра и зла в характере Алексея (стр. 204). Но повторив эту фразу, Ертов совершенно забывает о «зле» и ограничивается восхвалением императора. «Алексей, — восклицает Ертов, — заслуживает славу величайшего государя своего времени», ибо он укрепил начавшую было колебаться империю (стр. 205). Эта характеристика, равно как и слова Ертова о том, что конец своей жизни Алексей посвятил «исправлению внутреннего правления» [впрочем, единственный факт, на который он может сослаться, — основание дома призрения для бедных (стр. 201)], весьма далека от концепции Лебо и напоминает скорее оценку Алексея в книге Риттера.

Зато в отношении Мануила Ертов в полной мере остается на позициях Лебо. Мануил не может сравниться ни с Алексеем, ни с Иоанном. Он поручил управление любимцам и внухам, позволив им обременять народ податями, а своими войнами довел казну до крайнего оскудения (стр. 233). Он растерял достоинства, которые отличали его в юности, и стал жесток, невоздержан и алчен (стр. 218).

С особой неприязнью Ертов пишет об Андронике. В этом разделе он опять-таки отступает от Лебо и Ройу и не упоминает о реформаторской деятельности последнего Комнина. Как для Риттера и Александридиса, Андроник для Ертова только тиран, который дал волю злодеям и прикрывал свои дела притворной набожностью (стр. 236—238).

В отличие от Ертова немецкий историк Ф. Вилькен, автор двух специальных книг о Комнинах, основывался на источниках — греческих, латинских и восточных. Однако едва дело доходит до оценок Алексея и его преемников, Вилькен повторяет наивности в стиле Александридиса и Ертова: Алексей, чьи достоинства (*virtutes*), по мнению Вилькена, признаны всеми, оказывается, подражал в управлении страной Константину Великому¹³; его отличали образованность и милосердие (стр. 487 и сл.). Об Иоанне Вилькен также отзываясь с большой похвалой (стр. 491), тогда как к Мануилу он относится куда более сдержанно: этот император был жесток, его подданные страдали от тяжести налогов, провинции раздавались на ограбление евнухам-варварам, подданные возмущались привилегиями, которые получали при дворе латинские воины (стр. 615—617). Впрочем, кое-что доброе может сказать Вилькен и о Мануиле: он отличался

¹⁰ D. Alexandridis. 'Ιστορία τῶν τοῦ Βυζαντίου αὐτοκρατόρων. Ἐν Βιέννῃ, 1807, σελ. 245.

¹¹ Ibid., p. 219. Примечательно, что Александридис отмечает различие оценок Мануила I в хрониках Киннама и Никиты Хониата (ibid., p. 216, п. 1).

¹² И. Ертов. История Восточно-Римской или Константинопольской империи, ч. I. СПб. 1837, стр. V.

¹³ F. Wilken. Rerum ab Alexio I, Joanne, Manuele et Alexio II Comnenis Romanorum Byzantinorum imperatoribus gestarum libri quattuor. Heidelbergae, 1811 p. 108 sq.

физической доблестью, был образован, проводил большое строительство (стр. 617—619). Прямой полемикой с Лебо, видевшим в Мануиле покровителя монастырей, звучат слова Вилькена о том, что этот монарх ограничил монашеское землевладение (стр. 619 и сл.). Разумнейшим законом (*saluberrima lex*) считает немецкий ученый запрещение самопродажи в рабство (стр. 620) — напомним опять-таки, что Лебо, используя те же материалы, подчеркивал наличие при Мануиле продажи в рабство и бессилие государя уничтожить причину этого зла¹⁴.

В более поздней работе Вилькен снова высоко оценил деятельность Алексея и Иоанна, тогда как Мануил, по его словам, уступал и отцу и деду¹⁵. Главная вина Мануила — пренебрежение внутренним управлением своего государства и покровительство чужеземцам (стр. 447). Что же касается Андроника, то Вилькен полностью примыкает к традиционным взглядам: долго и в деталях описывает он ужасы тирании (стр. 509, 511, 519, 523), под конец мимоходом замечая, что Андроник поддерживал справедливость и порядок (*Recht und Ordnung*), провел ряд полезных мероприятий, защищал подданных от злоупотреблений чиновничества, отменил продажу должностей и т. п. (стр. 543 и сл.).

Таким образом, исследования Вилькена — существенные для истории внешнеполитических событий конца XI—XII в. — не содержат новых взглядов на «загадку Комнинов». Справедливо писал в свое время Г. Тафель, что у Вилькена мы не найдем ничего нового о финансах, торговле или земледелии в правление этой династии¹⁶.

Очень близок к Вилькену в оценке Комнинов и его современник Ф. Шлоссер, автор обширной «Всемирной истории»¹⁷. Он тоже оправдывает Алексея (т. II, стр. 659), хотя о его внутренней политике сообщает лишь то, что было известно де Бюриньи: Алексей был очень изобретателен в раздаче титулов и почестей (стр. 578). Безоговорочно одобряет Шлоссер «кроткого» Иоанна (т. III, стр. 64). Как и Вилькен, Шлоссер ценит Мануила ниже его предшественников; при этом он подчеркивает, что этот император повредил себе в глазах подданных расположением к иностранцам (стр. 66). Как и Вилькен, Шлоссер изображает Андроника гнусным тираном, хотя и не отрицает наличия у него хороших качеств: узурпатор заботился о «низших классах», преследовал несправедливость и взяточничество, уничтожил береговое право; строительство при нем давало рабочим заработок; он поощрял науки (стр. 67 и сл.).

Однако уже современники Вилькена и Шлоссера попытались коренным образом пересмотреть традиционные воззрения на политику Комнинов. Первая из попыток пересмотреть концепцию Лебо принадлежит де Сегюру; и если развенчание Комнинов в книге Лебо в какой-то мере отражало политические настроения кануна революции, то де Сегюр, как мы сейчас увидим, писал с позиций восторжествовавшей реставрации.

Алексей для де Сегюра истинный герой, которому приходилось руководить испорченным и развращенным народом (*un peuple ruiné et corrompu*); этот император, действовавший в трудных условиях, больше достоин хвалы, нежели иные великие люди, которым судьба уготовила ровную дорогу и легкую славу. Он ликвидировал беспорядок, вызванный гражданской войной, и успокоил претензии и страсти¹⁸. Решительно расходясь с

¹⁴ Le Beau. Op. cit., t. 19, p. 475.

¹⁵ F. Wilken. Andronicus Komnenus. — In: F. Raumer. Historisches Taschenbuch, II, 1831, S. 444 f.

¹⁶ G. L. F. Tafel. Komnenen und Normannen. Ulm, 1852, s. v.

¹⁷ F. Ch. Schlosser. Weltgeschichte für das deutsche Volk. Frankfurt a. M., 1844—1857. Я ссылаюсь на русский перевод: Ф. Шлоссер. Всемирная история, т. II—III. СПб., 1869—1870.

¹⁸ de Segur. Histoire du Bas-Empire, vol. III. Paris, 1826, p. 248 sq.

Лебо, де Сегюр рисует картину благополучия, наступившего в Малой Азии благодаря заботам Алексея: жители вернулись к своим нивам, плуг стал вновь бороздить поля, города поднялись из руин и торговля принесла с собой изобилие (стр. 345). Подданные прославляли мягкость и справедливость государя, восстановившего порядок и наполнившего оскудевшую казну. Народ простил ему податной гнет, тяжелый, но необходимый (*des charges pesantes, mais necessaires*). «Народ любил его», ибо он один (*seul*) благодаря своему гению (*par son génie*) спас империю, трещавшую по всем швам (стр. 351 и сл.).

Итак, за полстолетия, протекшие с выхода в свет соответствующих томов Лебо, французская историография круто изменила свое отношение к Алексею Комнину. Если для Лебо он был жестоким притеснителем своего народа, то де Сегюр увидел в нем гениального государя, правившего недостойными подданными. Одна маленькая черточка отражает, как в капле воды, совершившуюся перемену: Лебо язвительно высмеивал напрасные потуги императора такими ребячьими средствами, как раздача титулов, укрепить свою власть (см. выше, стр. 56), де Сегюр, напротив, расценивает эту меру как мудрые действия государя, который, раздавая жалким любителям придворных должностей пустые титулы, смирял их, позлатив их цепи (стр. 250).

Де Сегюр строил свои выводы, пожалуй, в еще большей степени, чем Лебо, на произвольных домыслах, не подкрепленных источниками. Откуда взяты его утверждения, что народ любил Алексея или что торговля в Малой Азии принесла изобилие? Я уже не говорю о крайнем идеализме де Сегюра, полагающего, будто один человек способен спасти государство, стоящее на краю гибели.

Коренное расхождение между Лебо и де Сегюром в оценке Алексея I объясняется в конечном счете различием политических взглядов обоих писателей, различием их отношения к французской монархии. Возможность же такого расхождения создавалась состоянием источников и несовершенством метода их анализа. Действительно, правление Алексея было описано двумя византийскими авторами: панегирически — его дочерью Анной Комнин и критически — ее современником Зонарой. Исследователи конца XVIII — начала XIX в. не ставили перед собой задачи критической проверки тех данных, которыми оперировали Анна Комнин и Зонара, они просто имели возможность выбрать одну из двух наличных оценок деятельности Алексея I; к тому же они не опасались расцветивать найденную в источнике канву домыслами, отвечавшими их политическим убеждениям.

В характеристике сына Алексея де Сегюр в общем и целом остается на традиционных позициях, высоко ценя неутомимую деятельность Иоанна (стр. 359), но все же он более сдержан в его похвалах, нежели в панегирике основателю династии: он говорит об ошибках Иоанна (стр. 360), хотя и признает, что доблесть императора превосходила его недостатки, а успехи заставляли забывать о промахах (стр. 371).

Два момента в характеристике правления Иоанна де Сегюром заслуживают внимания. Во-первых, французский историк подчеркивает высокие качества министров второго Комнина: если, по его мнению, Алексей сам спасал империю, то на долю его сына выпало «редкое счастье» иметь способных и скромных министров (стр. 354). Во-вторых, де Сегюр ставит вопрос об отношении византийского императора к феодальному порядку.

По его словам, крестоносцы «принесли на Восток заразу (*les mœurs contagieuses*) феодальной системы — пагубный источник беспорядка и упадка». Империя, продолжает де Сегюр, обязана своим существованием императорскому единовластию и простоте (*simplicité*) государственным

ной организации. Все это создавало в Византии порядок и стабильность, тогда как на Западе царило «организованное варварство», т. е. феодальные отношения. Проникновение элементов феодализма на Восток и явилось «одной из причин быстрого падения империи» (стр. 356 и сл.).

Конечно, мы легко можем видеть, что отношение де Сегюра к феодализму обусловлено его монархическими симпатиями, что понимание им феодализма весьма ограничено, что теория «импорта феодализма» в Византию не отвечает нашим теперешним представлениям. Однако не смешно ли критиковать де Сегюра с высоты протекшего столетия, с позиций византистики сегодняшнего дня? Гораздо важнее другое: де Сегюр перестает довольствоваться представлением об истории, творимой императорами, и вводит как действующее лицо исторической драмы общественный процесс — феодализацию империи. Не пороки императоров, а феодальный хаос выступает в его изображении как причина («одна из причин») упадка Византии.

Впрочем, тезис о феодализме повисает в воздухе: у де Сегюра нет фактов, которыми бы он мог оперировать. Поэтому, переходя к правлению Мануила, он вновь ограничивается личной характеристикой этого государя, ничего не сообщая о его внутренней политике.

Признавая воинскую доблесть Мануила, де Сегюр, однако, безоговорочно называет его «дурным государем», который угнетал свой народ, раздавал города и провинции в уплату легионам (стр. 400). У него не было «доброй веры», ему чужда была мораль и справедливость, скандальные пороки процветали при его дворе, он был скареден и коварен, его министрами становились скупые интриганы (стр. 373, 375, 387).

Еще более резко звучат обвинения де Сегюра в адрес Андроника — тирана, изгнавшего из дворца всех достойных, насадившего шпионаж, осуществлявшего проскрипции (стр. 408, 415). Именно то, что вызывало одобрение Лебо в деятельности Андроника, его демократизм, особенно возмущает де Сегюра: император преследовал знать и искал поддержку толпы (стр. 409)! И может быть, события недавнего прошлого вставали перед глазами де Сегюра, когда он изображал, как против негодного тирана поднимались «все государи Европы» (стр. 414); конечно, так можно было сказать о Наполеоне, но ничего подобного мы не знаем об Андронике. Де Сегюр, разумеется, молчит о реформах последнего Комнина, зато с удовлетворением изображает расправу с ненавистным ему узурпатором. «Никогда не сотрется со страниц анналов память о гнусной тирании», — патетически заключает он свой рассказ (стр. 417).

Произвольная откровенным монархизмом и антидемократизмом, полная произвольных домыслов, работа де Сегюра в части, касающейся Комнинов, все же небезынтересна: пересмотр традиционного взгляда на деятельность Алексея I очень скоро найдет деятельных сторонников, а попытка объяснить упадок империи распространением феодального порядка при всей односторонности этой точки зрения была методологически более обоснованной, нежели откровенно идеалистическое объяснение — пороками правителей.

К концепции де Сегюра в общем и целом примыкает и автор значительно позднее написанной «Истории Константинополя» Б. Пужула: он восхваляет Алексея за древность его рода (Пужула совершенно некритически воспринимает легенду о происхождении Комнинов от патрицианской фамилии, последовавшей в Византию за Константином I), за таланты правителя, за красноречие и образованность. «Он твердой рукой держал руль государственного корабля»¹⁹. Но все это лишь общие фразы: Пужула не

¹⁹ В. P o u j o u l a t. Histoire de Constantinople, t. I. Paris, 1853, p. 330 sq.

приводит ни единого факта благотворного управления Алексея, кроме основания богадельни (стр. 328 и сл.), и остается, таким образом, на одном уровне знаний с Ертовым (см. выше, стр. 60).

Об Иоанне Пужула говорит, захлебываясь от восторга (стр. 332—334), достоинства Мануила готов признать (стр. 335), но не скрывает и его пороков, главный из которых, оказывается, дебоши, скаandalизировавшие столицу (стр. 342 и сл.). Андроника он безоговорочно именуется жестоким тираном (стр. 348 и сл.).

Впрочем, заключая рассказ о Комнинах, Пужула впадает в противоречие с самим собой и дает им куда более критическую оценку, чем прежде. Оказывается, что они проводили низкую и эгоистическую политику и насчитывали в своих рядах лишь одного безупречного государя — Иоанна (стр. 351). Эта заключительная фраза, разумеется, ближе к схеме Лебо, чем к взглядам де Сегюра. Она отчетливо выдает компилятивный характер книги Пужула.

Если де Сегюр пересматривал концепцию Лебо преимущественно в отношении к Алексею, то другая попытка пересмотра традиционной схемы касалась царствования последнего Комнина. Я. Ф. Фальмерайер объявил Андроника величайшим монархом Востока, чью деятельность представили в ложном свете пристрастные историки. Андроник принадлежал к тем, кто рожден, чтобы управлять великой империей и сделать народы счастливыми. Он уменьшил налоги, но казна тем не менее наполнялась; он прекратил продажу должностей и отменил варварское береговое право; он насаждал демократию и правосудие. Его расправа со знатью во имя благополучия подданных была целебным средством²⁰. Вслед за Фальмерайером превозносил Андроника и Тафель²¹.

Тафель назвал период правления Комнинов одним из значительнейших этапов византийской истории²². Он не аргументировал своей точки зрения, и его заслуга, пожалуй, не столько в ее выдвижении, сколько в том, что он был первым историком, обратившимся к новому типу источников: тогда как до Тафеля история Комнинов изучалась исключительно по трудам хронистов (преимущественно византийских), он указал на важность памфлетов, речей и писем Евстафия Солунского, Михаила Хониата и других риториков XII в. В круг внимания исследователей были введены памятники нового типа — произведения современников и участников событий, содержащие при всем их напыщенном многословии следы современных страстей, а не осмысление уже давно совершившихся событий. Новые памятники давали критерий для проверки достоверности хронистов.

Концепция Фальмерайера — Тафеля, поднявшая на щит Андроника I как национального героя, в общем и целом не оказала влияния на историографию второй половины XIX в. Иначе сложилась судьба другой концепции, выдвинутой де Сегюром, сущностью которой была реабилитация Алексея I. В этом отношении пути византиноведения разошлись. Причем если на первых порах схема Лебо еще находила своих сторонников, то со второй половины 60-х годов апологетическая по отношению к первым Комнинам схема взглядов решительно берет верх.

²⁰ J. Ph. Fallmerayer. Geschichte des Kaisertums von Trapezunt. München, 1827, S. 29—32. Я оставляю в стороне роман об Андронике Ф. Целлера (F. Ch. Zeller. Andronikus der Komnene, Römischer Kaiser, Bd. I—II. Stuttgart, 1804), также идеализировавшего своего героя. Много позднее жизнь Андроника послужила сюжетом другого романа: J. Pervanoglou. Historische Bilder aus dem byzantinischen Reiche, I: Andronik Comnenos. Leipzig, 1879.

²¹ G. L. F. Tafel. Op. cit., S. VI.

²² Ibid., S. III. Ср. К[у]н и К[е]. О трудах византиниста Тафеля. — «Уч. зап. имп. АН по I и III отделениям», II, 1854, стр. 449.

Сторонником схемы Лебо выказал себя Ф. Андлав, автор книги о византийских императорах. Признав в общем виде эпоху Комнинов периодом блестящего взлета государства и образованности, а Алексея выдающейся личностью, умным политиком²³, Андлав, однако, ставит Алексею в вину растрату государственных средств, податной гнет, отсутствие уважения к чужой собственности (стр. 283). Иоанну, как всегда, достаются лишь похвалы; Мануил же, по Андлаву, оставил государство в стесненных условиях (стр. 292). Наконец, Андроник обрисован тираном, которого поддерживают подкупленная толпа и трусливые придворные (стр. 295 и сл.).

Но если книга Андлава была лишь сборником дворцовых историй, не претендовавшим на объяснение событий, не затрагивавших социальной проблематики, то написанная примерно в те же годы многотомная «История Греции» Дж. Финлея²⁴ давала самостоятельную и свежую трактовку событий. Финлей, внешне примыкая к схеме Лебо, пытался вдохнуть в нее новую жизнь.

На первый взгляд, мы найдем у Финлея лишь знакомые уже характеристики: Алексей, которому нельзя отказать в храбрости, был политиком, а не государственным деятелем (стр. 54); «он не сделал попытки преобразовать администрацию применительно к новым общественным условиям, он не стремился влить новые силы и внедрить новые принципы морали в учреждения, переживавшие распад» (стр. 55); непопулярность Алексея объясняется тяжестью государственных налогов, монополиями, созданными в интересах фиска и родни императора, и порчей монеты (стр. 62); греческая торговля пришла в упадок (стр. 63). В другом месте Финлей говорит еще резче: «Все разваливалось». Ухудшалось управление провинциями, вырос императорский деспотизм, увеличились расходы двора, армия и флот находились в пренебрежении, римское право перестало защищать подданных. Дороги, мосты, водопроводы, гавани — все становилось негодным. Там, где некогда стояли многолюдные города, теперь возникли колонии полудиких турок, печенегов и половцев, не знающих ни виноградарства, ни шелководства. В покинутых виноградниках, садах и оливковых рощах бродили отары овец (стр. 136).

Иоанну (опять-таки в духе Лебо) Финлей дает более благоприятную характеристику, называя его самым славным человеком среди занимавших византийский престол; народ любил его, и его царство не знало заговоров (стр. 130). Но вместе с тем этот славный человек лишь сожалел о бедах своей страны, однако не принял мер для их уничтожения (стр. 135). Более того, он уничтожил (ruined) процветающий класс землевладельцев в Малой Азии, плативших налоги сельджукам. Финлей рисует программу, которую надлежало выполнить Иоанну: уничтожить коррупцию и произвол чиновников, сократить расходы двора, ликвидировать монополии — тогда бы, возможно, государство избежало падения (стр. 137 и сл.).

Тяготы еще более усиливаются при Мануиле (стр. 50), который к тому же погубил византийский флот и торговлю, раздав всевозможные привилегии итальянским купцам (стр. 157). Зато Андроник, хотя и был неспособен сдерживать свой буйный характер, все же составил многообещающий план реформ (стр. 210 и сл.). Двойственное отношение к Андронику было свойственно и Лебо — только Финлей (и в этом, пожалуй, сказывается влияние Фальмерайлера) переносит акцент на реформы последнего Комнина.

²³ F. von Andlaw. Die byzantinischen Kaiser, ihre Palast- und Familien-Geschichten, ihre Schicksale. Mainz, 1865, S. 268, 281.

²⁴ G. Finlay. A History of Greece from its Conquest by the Romans to the Present Time, vol. III. Oxford, 1877. Книга была опубликована после смерти Финлея, но уже в 1854 г. появилась его «History of the Byzantine and Greek Empire» (Edinburgh — London, 1854) (о Комнинах — т. II, стр. 64 — 269).

Что же в таком случае нового во взглядах Финлея, если его оценка политики всех Комнинов в основных чертах совпадает со схемой Лебо? Препятствием всего бросается в глаза пристальное внимание Финлея к событиям внутренней истории, которые не разбросаны у него среди детальнейших описаний походов и войн (как у Лебо и его преемников), но выделены в особые параграфы, помещенные в начале глав, до внешней политики. Далее, Финлей оперирует не только личными страстями и наклонностями государей, но и интересами социальных группировок. Алексей вступает на престол как вождь аристократии (стр. 56) — тезис, который сохраняется до наших дней; Мануил мог приобрести неограниченную власть потому, что средний класс (*middle class*) уже практически не существовал в империи (стр. 145); неспособность знати и интеллигенции, апатия «нижних классов» облегчили подчинение Византии иноземцам (стр. 151) — такие и подобные суждения Финлея знаменуют отход от чистого идеализма в объяснении событий. Не только достоинства и пороки правителей, но и состояние общества выступает как фактор, обуславливающий ход византийской истории. Поэтому отсутствие необходимых реформ вызвано не пороками правителей или, вернее, не только пороками правителей, но и консерватизмом византийцев, считавших свои порядки превосходными и не желавших ничего изменить (стр. 58).

В самом конце XIX в. Финлей нашел себе продолжателя в английском историке К. Омани²⁵, который в предисловии своей работы сам говорил об использовании книги Финлея (стр. VII). И действительно, работу Омани отличает интерес к экономическим проблемам, хотя материал по экономической истории Византии XI—XII вв., находящийся в его распоряжении, крайне скуден. Оценки Комнинов у Омани в общем и целом совпадают с характеристиками Финлея, если не считать резко отрицательного отзыва об Андронике (стр. 272 и сл.), реформаторской деятельности которого английский историк не уделяет ни слова.

Царствование Алексея Омани готов был бы признать успешным, если бы не два обстоятельства: экономический упадок Константинополя, породивший плачевное состояние государственной казны, и политическая ошибка императора, раздававшего привилегии итальянским купеческим республикам (стр. 267 и сл.). Иоанн, по мнению Омани, сумел на годы отдалить неизбежную катастрофу (стр. 269), хотя мы не узнаем, как ему удалось это сделать и в чем заключалась неизбежность катастрофы. Мануил же нанес империи смертельный удар, ибо его войны окончательно подорвали государственные финансы, что привело к упадку гражданской администрации, правосудия, дорог, гаваней (стр. 270 и сл.).

Но, как было уже сказано, не схема Лебо, а противоположная ей концепция де Сегюра в отношении Комнинов становится господствующей во второй половине XIX в. Популярная книга Брюне де Преля и А. Бланше по существу повторяла суждения де Сегюра: Алексей объявлялся смелым и способным государем, действовавшим в трудных условиях²⁶, ему приписывалась «реформа некоторых злоупотреблений» (стр. 227), — к сожалению, авторы не раскрывали конкретного содержания этой реформы. Хотя французские историки отказывались сравнивать Иоанна с Марком Аврелием, они в полном согласии с традицией перечисляли добродетели второго Комнина: милосердие, энергию, организационные таланты, отсутствие скупости. Столь же традиционна и характеристика Мануила, который,

²⁵ C. W. C. Oman. *The Byzantine Empire*. London, 1892. Я цитирую по более позднему изданию (London—New York, 1914).

²⁶ Brunet de Presle, A. Blanchet. *Grèce depuis la conquête romaine jusqu'à nos jours*. Paris, 1860, p. 215, 226 sq.

несмотря на свои блестящие качества, привел в упадок финансы (стр. 229). Вслед за де Сегюром авторы объявляют Андроника жестоким тираном, преследовавшим «грандов», чьи происхождение и заслуги вызывали у него зависть (стр. 238—241).

Но и более серьезная работа, принадлежащая К. Гопфу, содержит все те же традиционные оценки. Первые три Комнина — энергичные и умные правители²⁷, хотя Мануил и отдавал дань наслаждениям, окружая себя дурным двором. Только энергия Мануила удерживала государство — после его смерти сразу же наступил развал (стр. 156). Переходя к Андронику, Гопф прямо полемизирует с теми, кто видел в нем восстановителя империи (*Regenerator des Reiches*); Гопф, правда, признает известные заслуги Андроника (ограничение произвола финансовых чиновников, отмену берегового права), но считает, что именно этот государь привел государство к краху (стр. 160).

Вместе с тем в работе Гопфа, при всей традиционности оценок отдельных Комнинов, мы находим ряд новых черт, имевших большое будущее. Прежде всего Гопф выделяет особый параграф, посвященный экономическому состоянию империи при Комнинах (стр. 161—166), правда, обособленный от изложения внутренней политики. Далее, он рассматривает Алексея не просто как умного и дальновидного политика, а как выраителя интересов византийской аристократии, с помощью которой тот пришел к власти (стр. 151). Наконец, он расценивает политику Комнинов как выражение абсолютизма, сумевшего подчинить себе и превратить в вассалов как латинских полководцев, так и греческих динатов (стр. 153). Проблема византийского феодализма, вскользь затронутая де Сегюром, вновь всплывает в связи с историей Комнинов, но если де Сегюр считал XII век исходным моментом феодального распада империи, то для Гопфа эпоха Комнинов — время подавления центробежных тенденций. Пройдет немного времени, и эти противоречивые точки зрения сольются, породив дуалистическую концепцию: Комнины окажутся и носителями централизации, и пособниками центробежных сил. Однако об этом ниже.

Высоко ставит династию Комнинов другой немецкий историк — Ф. Грегоровиус²⁸. Переворот 1081 г. он называет счастьем для дряхлеющей империи (стр. 91) и полагает, что необыкновенная мощь (*die ungewöhnliche Kraft*) Комнинов была единственной причиной, предотвратившей падение империи (стр. 94). Правда, едва лишь Грегоровиус касается конкретной политики империи, как оказывается вынужденным говорить о «слепоте и слабости греческого правительства», проявившихся в раздаче привилегий венецианцам (стр. 92), что, конечно, плохо гармонирует с его представлением о необыкновенной мощи Комнинов.

Как и Гопф, этот панегирист первых Комнинов называет Андроника «купающимся в крови тираном», допуская все же наличие у него «великих политических замыслов» (стр. 118 и сл.). Андроник мог бы сделаться преобразователем империи, если бы ее вообще возможно было преобразовать (стр. 124).

Но, пожалуй, более существенно то, что Грегоровиус вслед за Гопфом внимательно относится к хозяйственной жизни Греции и отмечает экономический подъем Фив, Коринфа и других городов в XII в. (стр. 95, 97).

²⁷ C. H o p f. Griechenland im Mittelalter und in der Neuzeit.— In: I. S. E r s c h, I. G. G r u b e r. Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, Bd. 85. Leipzig, 1867, S. 152. Особые хвалы приходятся на долю Иоанна (стр. 155).

²⁸ F. G r e g o r o v i u s. Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter, Bd. I—II. Stuttgart, 1889. Цитирую по русскому переводу: Ф. Г р е г о р о в и у с. История города Афин в средние века. СПб., 1900.

Это, кстати сказать, противоречит представлению о неизлечимом упадке одряхлевшей империи, будто бы державшейся только гением императорской династии.

Еще больше похвал на долю Комнинов выдал Г. Ф. Герцберг²⁹. Алексей в его изображении великий человек, наделенный необыкновенным умом (стр. 255 и сл.), Иоанн — благороднейший из византийских царей (стр. 277), Мануил — блестящая личность, добившаяся выдающихся успехов (стр. 285 и сл.). Как и Гопф, Герцберг видит заслугу первых Комнинов в восстановлении централизации, в упрочении «разумного и деятельного абсолютизма» (стр. 263 и сл.).

Но в некоторых отношениях Герцберг расходится с Гопфом. Прежде всего он объясняет безрезультатность деятельности первых Комнинов консервативностью образа жизни и мировоззрения византийцев, помешавшей им заметить прогресс на Западе (стр. 278 и сл.). В соответствии с этим он серьезнее подходит к причинам неудач Мануила, которые ищет не в его аморальности, а в «беспредельных мечтаниях» о восстановлении былого блеска — мечтаниях, свойственных всей династии (стр. 286). Иными словами, из непонимания политических перемен на Западе и общего консерватизма византийского общества Герцберг выводит универсалистские тенденции Комнинов, дорого стоившие империи.

Отрицательное отношение к византийскому консерватизму приводит Герцберга к пересмотру взглядов Гопфа на Андроника. Признавая последнего Комнина распутным кровопийцей, Герцберг все же склоняется к воззрениям Фальмерайера — Тафеля, утверждая, что Андроник собирался искоренить гнойники на государственном организме и поднять материальное благосостояние народа, был демократичен и бережлив (Герцберг приводит уже известные нам факты: устранение продажи должностей, отмена берегового права и т. п.). Если бы правление Андроника, заключает Герцберг, продолжалось дольше, он снискал бы прочную популярность в провинциях (стр. 318).

Вполне благоприятственно оценивает деятельность трех первых Комнинов и Л. Ранке. Даже при Мануиле, полагает он, способные чиновники поддерживали внутренний порядок³⁰. При этом Ранке высказывает мысль о необходимости союза франков и Византии (стр. 157) и в соответствии с этим отрицательно относится к деятельности вождя «греческой реакции» Андроника (стр. 245). Эта мысль о первых Комнинах как франкофилах и об Андронике как лидере «национального» движения найдет в дальнейшем приверженцев.

Панегристический тон в отношении первых Комнинов отчетливо звучит и в греческой историографии тех лет. Сильной и цветущей оставалась Византия при Алексее I, настаивает К. Папарригопуло³¹, и только натиск Запада в дальнейшем ослабил греческую империю (стр. 311, 349); Мануила он называет последним великим государем династии Комнинов (стр. 351); за Андроником Папарригопуло готов признать полководческие таланты, но возмущается его недостойным характером (стр. 353). Другой греческий историк, Д. Викелас, написал ряд очерков, имевших целью реабилитиро-

²⁹ G. F. H e r t z b e r g. Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches. Berlin, 1883. Цитирую по русскому переводу: Г. Ф. Г е р ц б е р г. История Византии. М., 1896.

³⁰ L. v o n R a n k e. Weltgeschichte, Th. VIII. Leipzig, 1887, S. 156f. Cp. ibid., S. 53.

³¹ C. P a p a r r i g o p o u l o. Histoire de la civilisation hellénique. Paris, 1878. Греческая многотомная книга Папарригопуло (К. P a p a r r h i g o p o u l o s. 'Ιστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους, т. 1—5. Ἀθήναι, 1866—1877. Новое издание вышло в 1925 г.) мне недоступна.

вать Византию в глазах греков и людей Запада³². Следуя за Папарригопуло (стр. 28), он превозносил первых трех Комнинов, в том числе и «героического Мануила», прославивших трон и укрепивших государство (стр. 27).

Особое место в ряду книг, затрагивавших эпоху Комнинов, принадлежит монографии Э. Остера, посвященной Анне Комнин³³. По своей концепции книга Остера относится все к тому же направлению, реабилитирующему первых Комнинов (и особенно Алексея), начало которому было положено де Сегюром. И когда Остер пишет о возрождении (*Wiedergewesung und Wiedergebueung*) Комнинами ослабленных элементов Византийской империи (I, стр. 3), о реформах Алексея во всех областях управления (стр. 13), он не вносит ничего нового в сравнении с де Сегюром или Гопфом.

Однако сильная сторона книги Остера — не в ее концепции, а в том, что автор, не ограничиваясь случайно найденными сведениями, подверг систематическому пересмотру и общие взгляды Анны на ее отца, и конкретные факты, сообщаемые ею о деятельности Алексея, и свидетельства других авторов об основателе династии Комнинов. При этом Остер уделил специальное внимание внутренней политике Алексея и был, собственно говоря, первым историком, который попытался дать цельную характеристику внутренней деятельности этого императора. Полученные им результаты резко разошлись с данными Лебо.

Известно, что один из серьезнейших упреков, высказанных в адрес Алексея, — это обвинение в налоговых притеснениях (см. выше, стр. 56). Остер приходит к иному мнению: оказывается, Алексей упорядочил податную систему и ввел твердые нормы обложения. Лебо ставил Алексею в вину спекуляцию с испорченной монетой — Остер полагает, что при Алексее монетная система была приведена в порядок (III, стр. 21). Алексея винили в забвении интересов отечественной торговли, в раздаче привилегий иноземцам — Остер уверяет, что проникновение иноземных купцов в империю было для нее благотворным, подобно открытию отделений Ганзы в Лондоне или Новгороде (стр. 20). Алексей ввел должность императорских контролеров для надзора за провинцией (стр. 19), реорганизовал флот (стр. 31 и сл.), заботился об армии (стр. 22 и сл.), боролся с подкупностью (стр. 18 и сл.). Заговоры против Алексея были ничтожными, их возглавляли ограниченные люди, не пользовавшиеся влиянием ни в народе, ни среди знати (стр. 30).

Нельзя не видеть, что иные из суждений Остера произвольны, основываются на предвзятом толковании скудных известий источников. Ничем, к примеру, не обосновано его утверждение, что Алексей ввел должность императорских контролеров. И все же примененный Остером метод всестороннего изучения соответствующих источников, равно как и пристальное внимание к вопросам внутренней политики имели бы большое значение для исследования «загадки Комнинов», если бы работа Остера не оказалась по странной игре случая почти совсем забытой.

То назревание интереса к внутренней истории Византии, которое мы наблюдали сперва в высказываниях Тафеля, затем в трудах Финлея, Гопфа и Остера, получает дальнейший стимул в конце XIX в. Здесь действовали и возрастание интереса к социально-экономическим проблемам современности, и распространение позитивистской историографии, и более частная причина — расширение круга источников, затрагивающих аграрные проблемы. Правда, византиноведы конца XIX в. уделяли основ-

³² D. B i k e l a s. Les grecs au moyen âge. Paris, 1878 (переиздано в его сборнике: La Grèce byzantine et moderne. Paris, 1893). Цитирую по греческому изданию: S. B i k e l a s. Περὶ Βυζαντινῶν. Λοῦδίνον, 1876.

³³ E. O s t e r. Anna Komnena, I—III. Rastatt, 1868—1871.

ное внимание «Земледельческому закону», новеллам Македонской династии и актам XIII—XIV вв., однако в обращение были введены и некоторые памятники комниновского периода, что позволило поднять новые вопросы внутренней истории этого времени.

В. Г. Васильевский был, в сущности, первым ученым, который попытался, не ограничиваясь общими соображениями, поставить проблему аграрных отношений в Византии XI—XII вв. Опираясь на источники, оставшиеся до того в забвении (в том числе и на сочинения Феофилакта Болгарского и Евстафия Солунского), Васильевский собрал первые данные о харистикарной системе, о повинностях париков XI—XII вв.³⁴ Теперь появилась возможность не рассуждать вообще о налоговом гнете или благорасположении императоров к монастырям, но представить себе конкретно формы византийского обложения, настойчивость податных сборщиков, пути роста монастырского землевладения.

Вслед за Васильевским и Ф. И. Успенский привлек новые материалы по внутренней истории Византии XI—XII вв.: монастырские уставы и грамоты, постановления поместных соборов, письма Михаила Хониата. Он подробно исследовал такие институты, как харистики³⁵ и прония³⁶, которым в дальнейшем стали придавать первостепенное значение при рассмотрении социальной истории Византии при Комнинах.

Анализ новых материалов привел русских ученых к созданию стройной концепции аграрного развития Византии. Здесь не место рассматривать ее в полном виде³⁷, отмечу лишь, что с правлением Комнинов они связывали отказ от принципов византийской государственности (в том числе и от защиты крестьянства) и соответственно разорение и закабаление крестьянства. По мысли Успенского, «уступка латинству» при Комнинах нанесла тяжкий ущерб свободному крестьянству и ослабила могущественную прежде Византийскую империю³⁸.

Развивая эти идеи, Успенский приходит к негативной оценке политики Комнинов в духе Лебо — Финлея (хотя и на более широкой источниковедческой основе): под внешним блеском их царствования скрывался «мрачный порядок»³⁹; они открыли доступ в империю пришельцам и воспринимали латинские учреждения, в том числе феодальный строй (стр. 35. Ср. стр. 39). Страна страдала от бремени податей, от подачек фаворитам и варварам⁴⁰, государство готово было развалиться на куски⁴¹. Армия утратила национальный характер (стр. 40), а творческая сила греков ослабела из-за наплыва иноземцев (стр. 38).

Рисуя такими чертами правление первых Комнинов, Успенский вполне последовательно приходил к реабилитации Андроника как выразителя

³⁴ В. Г. Васильевский. Властели, монастыри и сборщики податей в XI и XII вв. — ЖМНП, ч. 202, 1879, стр. 400 и сл., 421. Некоторые новые источники для аграрной истории XI—XII вв. были указаны также П. В. Безобразовым («Материалы для истории Византийской империи». — ЖМНП, ч. 254, 1887, стр. 74—77).

³⁵ Ф. И. Успенский. Мнения и постановления константинопольских поместных соборов XI—XII вв. о раздаче церковных имуществ (харистикарии). — ИРАИК, V, 1900.

³⁶ Ф. И. Успенский. Значение византийской и южнославянской пронии. — «Сб. статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского». СПб., 1883.

³⁷ См. об этом З. В. Удалцова. К вопросу об оценке трудов акад. Ф. И. Успенского. — ВИ, 1949, № 6.

³⁸ Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. — ЖМНП, ч. 225, 1883, стр. 360.

³⁹ Ф. И. Успенский. Уклон консервативной Византии в сторону западных влияний. — ВВ, XXII, 1916, стр. 22 и сл.

⁴⁰ Ф. И. Успенский. Цари Алексей II и Андроник Комнины. — ЖМНП, ч. 219, 1880, стр. 128 и сл.

⁴¹ Ф. И. Успенский. Уклон консервативной Византии..., стр. 38.

народных требований и главы «национальной» реакции против иностранного засилья⁴². Правда, впоследствии Успенский в какой-то мере пересмотрел свое отношение к последнему Комнину, ввел известные оговорки: Андроник, говорил Успенский, заявил себя крестьянским царем⁴³; «он был, или по крайней мере казался, царем народным, царем крестьян» (стр. 18); Успенский высказывал сомнения в искренности Андроника, предлагавшего реформы (стр. 14), и называл его «истинным злодеем на царском троне» (стр. 15). Впрочем, эти оговорки относятся лишь к личности Андроника, но ни в коей мере не должны бросить тень на программу радикальных реформ, которую в интересах народа выдвигала «национальная партия».

Уже после смерти Успенского был издан III том его «Истории Византийской империи». Обширный раздел, посвященный Комнинам, совершенно не касается проблем внутренней истории, несмотря на прямое обещание автора⁴⁴. Оценка же этой династии остается по-прежнему негативной [причем Успенский указывает здесь лишь на факты, введенные в оборот уже Лебо: ухудшение монеты, тяжесть обложения при Алексее (стр. 133 и сл.)], особенно ей вменяется в вину «западническое направление политики» (стр. 214. Ср. стр. 227). По-прежнему противоречива оценка деятельности Андроника, выступающего то как возмутительный тиран, выдающий себя за носителя либеральной программы (стр. 306), то как вождь «национальной партии», осуществляющей радикальные реформы (стр. 243, 304, 309).

Таким образом, в трудах Успенского, касающихся комниновской эпохи, мы можем выделить два направления: вовлечение в оборот нового материала и постановка важных проблем аграрной истории, с одной стороны, и его общая концепция, в своем существе восходящая к схеме Лебо и дополняющая эту схему сильным элементом национализма, — с другой. Под его пером история Византии при Комнинах грозила превратиться в историю борьбы «западных» и «национальных» элементов.

Националистический подход к «загадке Комнинов» нашел отражение также и в немецкой историографии на рубеже двух столетий. Но если латинофильство Комнинов представлялось Успенскому пагубным, то для немецких историков оно превратилось в одну из привлекательных черт политики этой династии. В эту пору немецкие византилисты поднимают на щит Комнинов — при этом не только Алексея и Иоанна, как это делал де Сегюр, но и Мануила, политика которого находила единодушное осуждение у авторов XIX в. Теперь же латинофильство Мануила, оказывается, может извинить и его податные вымогательства, и роскошь двора, и бескрайние внешнеполитические притязания.

Уже Г. Гельцер⁴⁵ выступил с панегириком династии Комнинов, назвав ее геройской (Heldendynastie) (стр. 128); Алексей в изображении Гельцера — «великий» (стр. 129), Иоанн — образец превосходнейшего государя (стр. 136), Мануил — благороден, духовно одарен, физически прекрасен, «идеал рыцаря по франкским взглядам» (стр. 138). При этом Гельцер подчеркивает, что при Алексее старый абсолютизм заметно приблизился к

⁴² Ф. И. Успенский. Цари Алексей II и Андроник Комнины, стр. 100.

⁴³ Ф. И. Успенский. Последние Комнины. Начало реакции. — ВВ, XXV, 1927, стр. 21.

⁴⁴ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III. Л., 1948, стр. 179.

⁴⁵ H. Gelzer, Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte. — In: K. K r u m b a c h e r. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897. Цитирую по русскому переводу в кн.: В. Н. Бенешевич. Очерки по истории Византии, вып. I. СПб., 1912.

типу западноевропейского феодального государства (стр. 135), говорит о западническом духе Мануила (стр. 139).

Однако значение работы Гельцера не только и не столько в повороте к восхвалению всех трех первых Комнинов, включая Мануила, сколько в попытке проследить социальные противоречия хотя бы внутри господствующего класса. Комнины в его изображении выступают не просто как одаренные личности, но (он следует в этом за Гопфом) как выразители стремлений военной знати. Алексей должен был считаться с интересами высшей знати, из чьей среды он сам вышел (стр. 135). Но Гельцер идет дальше, выделяя две группировки византийской знати. «Военная революция» 1081 г., по его мнению, покончила с господством столичного чиновничества (*hauptstädtische Bureaukratie*), приведшим государство к упадку (стр. 128).

Правда, эти идеи Гельцера остаются общими фразами, поскольку он почти не касается вопросов внутренней политики, не раскрывает конкретной деятельности Комнинов как выразителей интересов высшей знати, не прослеживает их борьбы со столичным чиновничеством. Более того, его анализ внутренних процессов развития византийского общества оказывается противоречивым. Он полагает, что эволюция византийского государства к феодальному типу (эволюция, которую Гельцер именуется подозрительной) была связана с реорганизацией суда и полиции, с оздоровлением финансов (стр. 135); и в то же время феодализм выступает под его пером как раковая болезнь (*Krebsübel*). Алексей, опираясь на высшую знать, спас государство, — и вместе с тем рост аристократического землевладения, губя свободное крестьянство, сокрушал основы государственной жизни (стр. 147).

Так конкретизируется «загадка Комнинов» — из вопроса о пороках и достоинствах монархов она превращается в вопрос о развитии феодализма. Но сразу же мы оказываемся перед противоречием: феодальная знать, которая, совершив переворот 1081 г., спасла империю, в конце XII в. оказывается важнейшей причиной гибели государства.

В соответствии со своими воззрениями Гельцер оценивает деятельность Андроника в духе Фальмерайера. Этот император — борец против злоупотреблений чиновничества и язвы феодализма, сокрушитель феодальной знати (стр. 148). Гельцер симпатизирует ему, представляет его великим полководцем и политиком. «Обладай этот во всех отношениях гениальный человек нравственной дисциплиной и внутренней сдержкой, он мог бы стать и духовным спасителем и возродителем ромейского народа» (стр. 145). И бросаясь с позитивистских высот в пучину идеализма, Гельцер неожиданно заявляет, что, позволив ему время, Андроник покончил бы с византийским феодализмом (стр. 148).

Примерно в том же духе трактовал историю Византии при Комнинах и другой немецкий историк — К. Рот⁴⁶. Не только Алексей (стр. 40) и Иоанн (стр. 42), но и Мануил заслужили его восхищение. Мануил, по мнению Рота, являл собой чуждый Востоку западный рыцарски-романтический тип, его блестящие достоинства обеспечили империи немало успехов, несмотря на то, что владевшая Мануилом идея восстановления империи не могла быть осуществлена, а борьба за нее подрывала силы Византии (стр. 43). Социальную структуру империи в конце XII в. Рот рисует почти словами Гельцера: здесь выступают и произвол чиновничества, и партикуляризм феодальной знати, разрушавшей крестьянское сословие, и даже раковая болезнь (*Krebssschäden*), которую намеревался исцелить Андроник. По-

⁴⁶ К. R o t h. Geschichte des Byzantinischen Reiches. Leipzig, 1904. Второе издание вышло в 1919 г. Ссылки даются по русскому переводу: К. Р о т. История Византийской империи. СПб., 1908.

следний Комнин объявляется борцом за благосостояние империи, а его террор оправдывается необходимостью предпринять крутые меры (стр. 46).

Пожалуй, самым откровенным панегириком западничеству Комнинов был очерк К. Дитериха о Мануиле в сборнике «Византийские портреты». Концепция Дитериха — откровенно националистична, более того, автор оперирует с чисто мистическим понятием «крови» и «возрождения крови» (*Bluterneuerung*), отдающим расизмом.

Согласно Дитериху, Византия восприняла с Востока зародыши неизлечимого консерватизма, сообщившего империи убежденность в ее вечности; и только столкнувшись с «юношески сильным германским Севером», Византия ощутила необходимость «возрождения крови». Трагическая противоположность восточного консерватизма и молодой культуры Запада (или Севера?) — вот корень дуализма Мануила ⁴⁷. Да, Мануил — истинный рыцарь, далекий от деспотизма, но византиец был жив в нем, в его любви к придворному церемониалу, к богословским спекуляциям (стр. 37—39).

Резко расходится Дитерих с традиционным толкованием внутренней политики Мануила. Император стремился к реформе войска и администрации; впрочем, реформа эта, по Дитериху, ограничивается привлечением с Запада новых сил. Император очистил разложившийся государственный аппарат от всех ненадежных и сомнительных элементов и поставил на все (alle) высшие должности «европейцев» (стр. 41 и сл.). Финансовое положение государства улучшилось (стр. 43), законодательство приобрело новые черты — Мануил покончил с юстиниановым представлением о божественности государя. Он заботился о благе государства и подданных. Он создал образцовый порядок и либеральное управление (стр. 44).

И, конечно, раз западничество Мануила объявляется образцом, то его антиподу, «демоническому» Андронику, отводится роль разрушителя государства (стр. 47).

Сам по себе пересмотр отношения к Мануилу был естественным, он вытекал уже из тенденций Гельцера. Но Дитерих построил свой пересмотр не на фактах, а на фантазиях; он пренебрег элементами социального анализа, которые были налицо у Гельцера, и подменил общественные противоречия проблемой крови и борьбой Запада с Востоком. На подобном пути нельзя было ждать каких-либо серьезных результатов.

Панегирик Мануилу, набросанный Дитерихом, вызвал одобрение в немецком византиноведении. В рецензии на «Византийские портреты» Ф. Гирш назвал образ Мануила наиболее удачным ⁴⁸.

Апология западничества Комнинов свойственна также румынскому историку Н. Йорга ⁴⁹. По его мнению, первые три Комнина создали новые условия (*a new condition of things*) (стр. 132). Это новое состояло в распространении в империи западных феодальных порядков (стр. 131). «В общество, нуждавшееся в свежей крови (вспомним «возрождение крови» у Дитериха! — *A. K.*), чтобы не выродиться, медленно просачивалась свежая сила — латинский дух, латинские идеалы» (стр. 140). Наиболее характерным правителем нового стиля был Мануил, чья политика полностью расходилась с шестисотлетними традициями Византии и, наоборот,

⁴⁷ K. Dieterich. *Byzantinische Charakterköpfe*. Leipzig, 1909, S. 35 f. До Дитериха сходная характеристика Мануила была дана Г. Кап-Герром (H. von Kap-Herr). *Die abendländische Politik Kaiser Manuels mit besonderer Rücksicht auf Deutschland*. Strassburg, 1881, S. 10—12).

⁴⁸ F. Hirsch. — «Mittellungen aus der historischen Literatur», 37, 1909, S. 269.

⁴⁹ N. Jorga. *The Byzantine Empire*. London, 1907. Те же мысли были повторены румынским историком в его более поздней книге: *Histoire de la vie byzantine*, vol. III. Bucarest, 1934. Здесь цитируется английская работа.

отвечала сущности и целям феодальных государств Запада (стр. 151). Но, увы, тенденции Мануила были порождением лишь его личных склонностей, а не результатом глубоких перемен в византийском мире: богато одаренная династия и ее немногочисленные приверженцы одни отстаивали новый путь (стр. 155).

Сторонник западничества, Иорга резко отзывается об Андронике и о поддерживавшей его «недисциплинированной и недовольной» константинопольской толпе (стр. 158). Реорганизация фискального управления — единственное, что можно поставить в заслугу Андронику, — не идет в сравнение с теми бедами, которые породила его «политика убийств» (стр. 161). И если великий Мануил остался непонятым византийцами, то Андроник с его лицемерием, подлым честолюбием и кровожадностью «вполне гармонизировал с этим обществом беспорядочной морали» (стр. 160).

Старая историография конца XVIII — первой половины XIX в. исходила из оптимистической уверенности, что монарх творит историю по своей воле. Личные свойства Комнинов казались тогда достаточным объяснением политики государства. Идеализация Комнинов, начатая де Сегюром и достигающая апогея у Дитериха и Иорги, неминуемо приводила к недоумению: почему же эта выдающаяся династия все-таки оказалась на грани катастрофы, почему гениальные политики не добились результата? Недоумение это было губительным для старой философии истории: оно заставляло вводить новую силу — общество, которому прежде отводилась пассивная роль материала, произвольно формируемого добрыми и дурными монархами. Пусть Иорга отдает свои симпатии великим Комнинам и с презрением третирует константинопольскую толпу — он уже не может не считаться с тем, что общество есть самостоятельная активная категория и любые побуждения императоров разбиваются о глухое сопротивление общества.

Впрочем, старое представление об истории, творимой государями, мы найдем еще во многих трудах тех лет. Т. Линднер по традиции превозносит Алексея и Иоанна⁵⁰, а Мануилу ставит в вину далеко идущие планы, которые зиждились не на прочной основе, а на дипломатическом песке (стр. 219). Немецкий историк даже не касается того, какие общественные силы поддерживали этих императоров. Только императоры являются действующими лицами и в изображении Д. Хесселинга: Алексей удержал на столетие катастрофу государства⁵¹, Иоанн бережно относился к финансам, Мануил вел удачные войны, но разорил казну (стр. 259). Но каковы были меры Алексея или Иоанна, об этом Хесселинг молчит, ибо нельзя же всерьез думать, что раздача титулов своим сторонникам — единственное упомянутое в книге конкретное мероприятие Алексея (стр. 253) — могла на столет задержать падение Византии! И как плохо вяжется с восхвалением администрации Алексея та печальная картина глубокого упадка греческой торговли, которую — опять-таки по традиции — рисует Хесселинг (стр. 254 и сл.).

Греческий историк С. Ламброс⁵² куда внимательней отнесся к вопросам внутренней истории Византии XII в., чем Хесселинг. Он уделил специальный параграф состоянию хозяйства и общества и пришел там, кстати сказать, к менее печальным выводам. Византия, по мнению Ламброса, извле-

⁵⁰ Th. Lindner. Weltgeschichte seit der Völkerwanderung. Bd. II, Stuttgart—Berlin, 1902, S. 216.

⁵¹ D. C. Hesselning. Essai sur la civilisation byzantine. Paris, 1907, p. 252 (книга была издана впервые в 1902 г. на голландском языке).

⁵² S. Lampros. Ἱστορία τῆς Ἑλλάδος, т. 5—6. Ἀθήναι, 1902—1908. Книга другого греческого историка, А. Адамантиу (A. Adamantiu. Ἱστορία τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας. Ἀθήναι, 1919), мне недоступна.

кала немалые доходы от торговли и ремесла — при этом не только в Константинополе, но и в провинциях (т. 6, стр. 47). Он останавливается и на наступлении крупных земельных собственников, которые, присвоив массу земель, нанесли серьезный ущерб казне (стр. 48). И все же Ламброс не связывает экономические и социальные условия с политикой императоров; последняя выступает в его изображении независимым, самоопределенным фактором: справедливость Иоанна обеспечивает мир в стране (т. 5, стр. 512 и сл.); напротив, пренебрежение Мануила к «различным отраслям хозяйства», дурное управление его советников приводит к опустошению казны, к упадку государства (т. 6, стр. 50; ср. стр. 3 и сл.). Точно так же и деятельность Андроника рассматривается в чисто психологическом плане, как результат противоречия его добрых и дурных качеств (стр. 65). Впрочем, в связи с Андроником Ламброс вспоминает о народе, однако лишь как о пассивной категории. Лицемерие и жестокость императора (стр. 73 и сл.) не вызвали противодействия народа, обласканного тираном, — только знать оказала сопротивление (стр. 77).

Внутреннее противоречие подобной трактовки исторических событий всего отчетливее проявляется в оценке Ламбросом деятельности Алексея. В духе де Сегюра греческий историк не устает восхищаться достоинствами Алексея (т. 5, стр. 425), называет его спасителем государства (стр. 464), восстановителем достоинства Византии (стр. 508). Ламброс говорит и о «восстановлении экономики» при Алексее, но те конкретные сведения, которые он сообщает, казалось бы, свидетельствуют о противоположном: монетная реформа привела к «немалому смещению» в сфере налогового обложения; податное бремя было тяжким (стр. 464 и сл.). Справедливость, политическая прозорливость, защита бедных — все эти добродетели Алексея остаются под пером Ламбрoса пустыми формулами, не воплощающимися в реальной политике первого Комнина.

Также полностью в традиционном плане рассматривает церковную политику Комнинов Н. С. Гроссу, даже не помышляющий о том, что деятельность императоров может быть обусловлена чем-либо, кроме их воли. К тому же монархическая благонамеренность киевского священника выливается в неприкрытое славословие в адрес «благочестивых» Комнинов. Алексей, оказывается, отличался «искренней преданностью восточной, православной вере»⁵³, и Гроссу оправдывает проведенную Алексеем конфискацию церковных имуществ (стр. 515 и сл.), а харизматическую систему не упоминает вовсе. Гроссу хвалит за толерантность Алексея (стр. 543), устроившего публичное сожжение вождя богомилов Василия. Разумеется, Иоанн выступает человеком редкой доброты и сердечной мягкости⁵⁴; о Мануиле сказано, что он один из самых блестящих василевсов, а к церковным вопросам проявлял «серьезное отношение» (стр. 633 и сл.), хотя православного богослова никак не должны были бы устраивать ни попытки Мануила добиться унии с католичеством, ни уступки исламу, ни стремление поставить монастыри под контроль светской власти. «Серьезное отношение» к церковным вопросам — под этой расплывчатой формулой заключается целая программа, не объясненная и даже не изученная Гроссу.

До начала XX столетия специальных монографий, посвященных Комнину, по сути дела, не было (если не считать книги Вилькена, встретив-

⁵³ Н. С. Гроссу. Церковно-религиозная деятельность византийского императора Алексея I Комнина. — «Труды Киевской уховной академии», 53, 1912, июль—август, стр. 501. Ср. стр. 520.

⁵⁴ Н. С. Гроссу. Отношения византийских императоров Иоанна II (1118—1143) и Мануила I (1143—1180) Комнинов к вопросу об унии с Западом. — «Труды Киевской духовной академии», 53, 1912, декабрь, стр. 621.

шей весьма суровую критику). Почти через сто лет после Вилькена к этой задаче приступил французский историк Ф. Шаландон. Он выпустил два тома: один о правлении Алексея I, другой (более обширный) — о царствовании Иоанна II и Мануила I. Некоторое время спустя вышли его главы о Комнинах в IV томе «Кембриджской истории средних веков».

Книга об Алексее ⁵⁵ начинается с сугубо личной характеристики императора; затем после рассказа о приходе Комнинов к власти и о дворцовых интригах при Алексее подробно излагается внешняя политика этого царствования. Внутренней политике посвящена лишь одна (X) глава.

Шаландон, по сути дела, возвращается к оценке Алексея, данной Лебо, хотя и на обновленной основе: опираясь в значительной мере на труды Васильевского и Успенского, Шаландон обрисовывает характеристичную систему (стр. 282 и сл.), виды налогов (стр. 293 и сл.), податные изъятия (стр. 298), злоупотребления налоговых сборщиков (стр. 309). Весь этот материал был до конца XIX в. недоступен.

И все же Шаландон двинулся немногим дальше Лебо. По-прежнему мы слышим о высоких личных достоинствах Алексея — способного полководца, выдающегося дипломата (стр. 51 и сл.), организатора и администратора (стр. 277), старавшегося назначить в провинцию хороших чиновников (стр. 281). И в то же время царствование Алексея было «эпохой большой нищеты» (стр. 291), временем порчи монеты (стр. 304 и сл.), «фискальной тирании» (стр. 309). Оно тяжелым бременем легло на всех (стр. 322).

В другой работе Шаландон так же оценивает это царствование: хотя оно знаменовало временную приостановку распада государства, управление Алексея было тяжким для подданных ⁵⁶.

Перед нами знакомая теория «смещения добра и зла», только освобожденная от страстности Лебо и несколько модифицированная: центр тяжести сдвинулся с характера Алексея на его деятельность, противоречия обнаруживаются не в «душе» государя, а в его политике — добиваясь добра, он достигает зла, вынужденный к этому тяжелыми обстоятельствами, в которых оказалась империя ⁵⁷.

Шаландон не извлек урока из плодотворных попыток Гопфа и Гельцера поставить деятельность Алексея в связь с борьбой социальных групп. Его Алексей действует в личных интересах, добиваясь абсолютной власти (стр. 322). Если он ограничивает роль синклита (стр. 280), то не как выразитель интересов военной аристократии (так у Гельцера), а как поклонник абсолютизма. Его опора — не та или иная прослойка общества, но несколько знатных семей ⁵⁸.

Таким образом, возвращение Шаландона вспять проявилось не только в возрождении модифицированной схемы Лебо, но и в отказе от социального анализа, элементы которого уже появились в трудах его предшественников. Абсолютный монарх на одной стороне и «все» (tous) на другой — такова расстановка сил, в точности повторяющая представления Лебо об историческом процессе. Но Лебо ненавидит абсолютизм, и его позиция определена — Шаландон же в сущности бессилен объяснить, почему монарх, желавший быть справедливым, оказался до крайности непопулярным (стр. 332).

⁵⁵ F. Chalandon. Essai sur le règne d'Alexis Ier Comnène (1081—1118). Paris, 1900. До этого под тем же названием были опубликованы тезисы диссертации Шаландона (Chalon-sur-Saône, 1899), мне недоступные (см. ВЗ, 8, 1899, S. 576).

⁵⁶ F. Chalandon. The Earlier Comneni.— «Cambridge Mediaeval History», vol. IV. 1927, p. 350 (первое издание — 1923 г.).

⁵⁷ F. Chalandon. Essai..., p. 322.

⁵⁸ F. Chalandon. The Earlier Comneni, p. 327.

Книга об Алексее I нашла одобрение рецензентов, но показательно, что лишь один из них — А. Ламарш — безоговорочно назвал X главу интересной⁵⁹. Шаландон написал хорошую главу об администрации Алексея Комнина, замечает Ш. Диль и тут же добавляет: «Я хотел бы, чтобы Шаландон более подробно осветил внутреннюю историю»⁶⁰. Ж. Гэй также считает эту главу слишком краткой: внутренней истории в своей книге автор отвел слишком мало места⁶¹. Гораздо резче судит о ней Д. Симон: она кажется ему написанной поспешно, лишь бы завершить работу. «Это только приближение к предмету, своего рода краткое резюме»⁶². С Симоном солидарен и А. А. Васильев. «Страницы же, посвященные вопросу о внутренней администрации самого Алексея, — пишет он, — имеют скорее вид описания, чем исследования»⁶³.

При этом — странное дело! — рецензенты совершенно неправильно определили место Шаландона в истории вопроса. Все они подчеркивают, что Алексей — жертва предубеждений, что необходимо было восстановить его роль спасителя империи и что это как раз и сделал Шаландон, весьма благоприятно оценив деятельность основателя династии Комнинов. Один из рецензентов, А. Картельери, даже допускает, что подобная реабилитация Алексея может натолкнуться на возражения, и обращает внимание на вырождение монашества и финансовый гнет в это царствование⁶⁴. Конечно, реабилитация Алексея — не заслуга Шаландона; де Сегюр и Остер сделали для этого больше. Шаландон, повторю еще раз, высоко оценил личные достоинства первого Комнина, но в трактовке его внутренней политики вернулся к схеме Лебо.

Итак, в главе о внутренней политике Алексея новыми были лишь материалы, почерпнутые из трудов русских ученых. В целом же она не содержала какой-либо оригинальной концепции, не предлагала новых методов, не обогащала науку новыми источниками. Она была посторонним привеском к внешнеполитической истории тех лет.

Посмотрим теперь, что смог сделать Шаландон во второй книге о Комнинах.

Портрет Иоанна II выдержан полностью в традиционных тонах: мягкий, порядочный человек, один из лучших византийских императоров⁶⁵. Что касается его внутренней политики, то ее мы плохо знаем⁶⁶.

Столь же традиционен и образ Мануила. Опять идет речь о его превосходных личных свойствах (стр. 201), о его роскоши и распутстве (стр. 205), о завоевательных потугах (стр. 208). Упадок Византии Шаландон считает результатом ошибочной политики Мануила (стр. 607), сохранившего тяжелый податный гнет (стр. 623 и сл.). На неоригинальность этой точки зрения уже обратил внимание П. В. Безобразов⁶⁷.

Впрочем, отдельные частные наблюдения Шаландона заслуживают внимания: так, по его мнению, Мануил стремился приостановить рост церковных богатств (стр. 204; ср. стр. 628, 632), покровительствовал торговым городам (стр. 626 и сл.); византийский флот переживал значительный прогресс и успешно соперничал с норманским и венецианским

⁵⁹ A. L a m a r c h e.— «Revue de l'Orient Latin», 8, 1900—1901, p. 228.

⁶⁰ Ch. D i e h l.— BZ, 11, 1902, S. 526.

⁶¹ J. G a y.— «Revue critique d'histoire et de littérature», 52, 1901, № 42, p. 314.

⁶² D. J. S i m o n.— «Revue d'histoire ecclésiastique», 4, 1903, p. 514.

⁶³ А. В а с и л ь е в.— ВВ, XII, 1906, стр. 268.

⁶⁴ A. C a r t e l l i e r i.— «Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung», XXIII, 1902, S. 520 f.

⁶⁵ F. C h a l a n d o n. Les Comnène. II. Paris, 1912, p. 9. Ср. i d e m. The Later Comneni.— «Cambridge Mediaeval History», vol. IV, 1927, p. 351.

⁶⁶ F. C h a l a n d o n. Les Comnène, p. 21.

⁶⁷ П. В. Б е з о б р а з о в.— ЖМНП, ч. 45, 1913, стр. 430 и сл.

(стр. 623). Все эти факты, если они действительно верны, плохо согласуются с господствующим представлением об экономической разрухе в царствование Мануила.

Специальной книги об Андронике Шаландон не написал, но в соответствующем разделе «Кембриджской истории средних веков» мы найдем характеристику этого императора в рамках традиционных воззрений: это и великий государственный деятель, и тиран; то он требовал от чиновников и «феодалных лордов» уважать собственность и права крестьян, то позволял себе невиданную жестокость к противникам⁶⁸.

Итак, как в оценке деятельности Алексея, так и при характеристике правления остальных Комнинов Шаландон не идет дальше рассмотрения личных мотивов правителей. Направление политики определяется в его глазах психическим складом государя, а не социальной борьбой. Такой подход приводит Шаландона (как и его предшественников) к серии противоречий: действительно, как совместить высокие душевные свойства Алексея и безжалостное угнетение им народа, тиранию Андроника и его благодетельные реформы, политическую прозорливость Мануила и экономический гнет, приводящий к краху? С чисто психологических позиций мы не найдем разумного объяснения. Внутренняя же история и в этом случае обрисована Шаландоном крайне суммарно⁶⁹.

Я не случайно остановился столь подробно на работах Шаландона; ведь это не только первая, но — скажу, забегая вперед, и последняя попытка монографически обрисовать комниновский период. Ни до Шаландона, ни после него никто не пытался сделать это столь подробно. И что же? Оказывается, что нашу проблему — «загадку Комнинов» — Шаландон нимало не продвинул вперед. Он остался на почве личного, психологического объяснения событий; он повторил мотивировки, давно уже выдвинутые и вызывавшие возражения; он пренебрег проблемой социальной борьбы, появившейся уже у его предшественников. Короче говоря, книги Шаландона скорее завершают длительный период изучения Комнинов, нежели открывают начало нового.

В методологическом отношении гораздо более значительными были две работы, появившиеся примерно в то же время и специально посвященные Андроннику. Одна работа принадлежала югославу Н. Радойчичу, другая — итальянцу Ф. Коньяссо.

Радойчич⁷⁰ останавливается на историографии вопроса, отмечая противоречивость традиционной характеристики Андроника как тирана и вместе с тем реформатора. По мнению Радойчича, этот взгляд восходит к Гиббону (на самом деле, еще к де Бюриньи и Лебо): с одной стороны, Гиббон симпатизировал византийским крупным собственникам, жертвам тирании Андроника, с другой — «великому духом Гиббону» импонировал гениальный Андроник (стр. 66 и сл.). Так Радойчич пытается нащупать социальную и психологическую подоплеку взглядов Гиббона на Андроника Комнина. Не будем полемизировать с Радойчичем по конкретному поводу: важен самый принцип, самая возможность такой постановки вопроса — доискаться до истоков воззрений твоих предшественников.

⁶⁸ F. Chalandon. The Later Comneni, p. 382 f. В рецензии на книгу Ф. Коньяссо, речь о которой пойдет ниже, Шаландон протестовал против идеализации Андроника (F. Chalandon.— BZ, 22, 1913, S. 505).

⁶⁹ П. В. Безобразов. Указ. соч., стр. 429; J. В. Вury.— BZ, 22, 1913, S. 196.

⁷⁰ N. Radojčić. Dva posljednja Komnena na carigradskom prijestolju. U Zagrebu, 1907. См. немецкий автореферат: E. Gerland.— «Mitteilungen aus der historischen Literatur», 37, 1909, S. 194—201.

Отвергая двойственную характеристику Андроника как порождение не действительности, а историографии, Радойчич принимает концепцию Фальмера (стр. 67 и сл.) и характеризует последнего Комнина как выдающегося политического деятеля, консолидировавшего империю (стр. 71—73). Прославление Андроника влечет за собой уничтожение Мануила, ибо реформы Андроника становятся естественными лишь при допущении, что Мануил привел империю к развалу. И действительно, Радойчич рисует безотрадную картину положения страны при Мануиле: динаты захватывают земли крестьян, провинции пустеют от турецких набегов и насилий крупных землевладельцев (стр. 14); если Алексей I положил предел неограниченному господству чиновничества и дворянства, при его внуке они снова поднимают голову (стр. 16).

Разумеется, не характеристики Мануила и Андроника составляют то новое и значительное, что отличает маленькую книгу Радойчича. Главное заключается в том, что югославский ученый впервые попытался выяснить расстановку общественных группировок к моменту смерти Мануила. По его словам, при Мануиле власть принадлежала военной аристократии, чиновничеству и динатам, тогда как оппозицию составляли клир, константинопольские горожане и провинциалы (стр. 97 и сл.). Социальные противоречия дополнялись этнической и религиозной разностью: знать опиралась на латинян, оппозиция объединялась под православными лозунгами.

Опираясь на константинопольских горожан и провинцию, Андроник пришел к власти (стр. 99). Однако оппозиционные силы еще не созрели для управления государством: константинопольский плебс не мог выдержать длительную полосу реформ, а привлечение провинциалов к управлению оказалось в византийских условиях совершенно невиданным делом⁷¹.

Опять-таки и с этим конкретным анализом социальных противоречий можно и нужно спорить. Он возвращает нас к тезису де Сегюра и Иорги — о порочном народе и выдающемся императоре. К тому же Радойчич неточен: клир, например, не являлся особой социальной группой и многие представители высшего духовенства активно поддерживали Андроника. Но стоит ли говорить о частностях, когда Радойчич поставил вопрос принципиально по-новому, развив едва намеченную Гельцером тенденцию. «По мнению автора, — писал рецензент книги Радойчича К. Иречек, — длительная борьба между императором Мануилом и Андроником была вызвана не личными, а принципиальными расхождениями»⁷². Иречек не решается еще сказать «социальными», а между тем дело обстояло именно так.

Подробная статья Коньяссо и по выводам и по методам близка к труду его югославского предшественника, отличаясь, пожалуй, лишь некоторыми нюансами.

По мысли Коньяссо, Алексей I начал дело обновления (*l'opera di rinnovamento*), продолженное его сыном и внуком. Но если первоначально Комнины ставили своей задачей как внутреннее, так и внешнеполитическое возрождение, то впоследствии они ограничились лишь внешнеполитическими целями⁷³. Грандиозная завоевательная программа Мануила привела к колоссальной растрате человеческой энергии и средств. Ссылаясь на Шаландона, Коньяссо пишет, что «все классы населения» были недо-

⁷¹ E. Gerland. Op. cit., S. 201.

⁷² C. Jireček. — BZ, 17, 1908, S. 182.

⁷³ F. Cognasso. Partiti politici e lotte dinastiche in Bisanzio alla morte di Manuele Comneno. — «Memorie della Reale accademia delle scienze di Torino. Cl. di sc. morali, stor. e filol.», Ser. II, t. LXII, 1912, p. 278.

вольны режимом, установленным при Мануиле (стр. 126). Однако народ молчал. Со времен Алексея I Византия не знает народных возмущений, столь характерных для политической жизни X—XI вв. Но это не означает, что народ примирился, — нет, он ждал того, кто поднимет знамя свободы (стр. 228). После смерти Мануила в Константинополе ошутимо было народное недовольство, открыто проявлялись религиозные, этнические и торговые противоречия между греками и латинянами (стр. 237), назревала потребность в коренной перестройке государственной организации (стр. 228). Подобно Радойчичу, Коньяссо видит социальную природу нараставшего недовольства: по его словам, реформы должны были ударить по омертвевшей чиновной знати (*morta burocrazia*), по землевладельческой аристократии, все отчетливее приобретающей феодальные черты, по церковной верхушке. Опорой реформатора мог стать класс буржуазии (*la classe borghese*) и плебс в городе и деревне (стр. 228, 280).

Итак, реформаторская деятельность Андроника выступает у Коньяссо не как прихоть гениального беспутника, а как выражение общественных потребностей. Андроник провел ряд мер, направленных на защиту мелкого собственника; при этом Коньяссо уделяет особое место хрисовулу 1182 г., отменявшему важные привилегии землевладельческой знати (стр. 284); по мнению итальянского ученого, Андроник не поощрял церковную собственность: «Мы не знаем дарений Андроника церквам и монастырям» (стр. 287). Таким образом, Коньяссо стремится выйти за пределы тех сведений о реформах последнего Комнина, которые содержатся в хронике Никиты Хониата и у современных риториков, — он обращается к актам, к документальным данным.

И если Радойчич полагал, что византийскому народу была не по плечу поставленная Андроником задача (см. выше, стр. 79), то Коньяссо, напротив, считает Андроника человеком, не сумевшим выполнить народные требования. Буйные страсти реформатора способны были погубить плоды его политической и социальной деятельности (стр. 257). Ставя далее вопрос о причинах банкротства «демократической и националистической» политики Андроника, Коньяссо приходит к выводу, что народ требовал последовательного осуществления программы реформ, тогда как император, применяясь к общей политической обстановке в Византии и в Европе, постепенно стал возвращаться к политике Мануила. «Это привело его к разрыву с народом и к падению» (стр. 278).

До Коньяссо в вину гениальному реформатору ставили обычно лишь его террор, что порождало, как я уже писал, противоречие между психологическими мотивами и социальными результатами деятельности Андроника. Теперь же Коньяссо прослеживает, как непосредственность политики императора вызывает недовольство народа; историк придает при этом первостепенное значение возвращению правительства к латинофильству Мануила (стр. 286): Андроник окружил себя иноземными гвардейскими частями (стр. 288), добился улучшения отношений с Венецией (стр. 294—296).

Конечно, теперь легко видеть непоследовательность Коньяссо, проявляющаяся в расплывчатости его социальных характеристик, в преувеличении роли личности. Так, говоря о сторонниках Андроника (стр. 267), он смешивает в одну кучу и социальные группировки («многие буржуа и плебеи»), и отдельных лиц (логофет Стефан Айофеодорит, патриарх Василий Каматир). Он полагает, что политическая мощь империи в середине XII в. была результатом деятельности одного человека — Мануила (стр. 221). Но дело не в подобных неточностях — значение работы Коньяссо как и книги Радойчича) состояло в том, что к анализу политики Комнинов был, наконец, применен социальный принцип, что эту политику стали

выводить из действия социальных сил, а не из воли личностей, как было свойственно еще Шаландону.

Правда, социальный анализ был применен пока только к политике Андроника (и в какой-то мере Мануила как его предшественника). Но уже в небольшой работе А. Дживилегава, увидевшей свет одновременно со статьей Коньяссо, предпринята была попытка рассмотреть социальные основы политики всей династии.

В основу анализа византийской истории XI—XII вв. Дживилеговым положено понятие феодализма. «Своеобразный феодальный порядок» складывается, по его мнению, в XI в.⁷⁴ Политика Алексея протекает в русле этой тенденции, при этом государе учащается раздача земель в проиу (стлб. 131), тогда как в царствовании Мануила «закончилась (!) перестройка византийского землевладения на новых, приближающихся к феодальным основах» (стлб. 132). Переворот Андроника трактуется Дживилеговым как революция, направленная против аристократии; движущими силами революции были духовенство, опасавшееся католического влияния, и «торгово-промышленный класс» (*la classe borghese* у Коньяссо), за которым следовало многочисленное ремесленное население столицы; наконец, крестьянство горячо поддержало революцию (стлб. 133).

В кратком очерке Дживилегава много спорного, и прежде всего — самое понятие феодализма. «Феодализация, — по Дживилегову, — есть варваризация» (стлб. 130). Экономическая эволюция Византии при Комнинах «решительно» вела вспять, к более первобытным формам — от менового хозяйства к натуральному (стлб. 132). Разумеется, мы ничего не пойдем в феодализме, если будем видеть в нем первобытное варварство, а не закономерный и прогрессивный этап развития общества; к тому же говорить о переходе в Византии XII в. к натуральному хозяйству нет никаких оснований. Но важно, что Дживилегов идет в русле передового по тем временам направления историографии и более последовательно, нежели Гельцер, прилагает к комниновскому периоду принципы социального анализа.

Как мы видели, начало XX столетия принесло значительные успехи в разработке «загадки Комнинов». Однако в литературе следующих десятилетий наблюдается скорее возврат к традициям XIX в., нежели разработка прогрессивных методов, намеченных в трудах Радойчича, Коньяссо, Дживилегава. К тому же монографическая разработка истории комниновского периода прекращается почти вовсе⁷⁵.

Васильев, который, как мы помним, справедливо упрекал Шаландона в пренебрежении вопросами внутренней истории, посвятил этим проблемам несколько страниц в книге «Византия и крестоносцы», сразу же оговорившись, что внутренняя история, «начиная с эпохи Комнинов», все еще недостаточно разработана⁷⁶. И действительно, характеристики, даваемые Васильевым, не возвышаются по своему уровню над соответствующими характеристиками Шаландона; мы видим лишь описание единичных фактов, но отнюдь не цельную картину общественных порядков. При Алексее выпускалась низкопробная монета и сурово взимались налоги, Иоанн

⁷⁴ А. Дживилегов. Византия. — «Энциклопедический словарь Гранат», т. X, 1912, стлб. 130.

⁷⁵ К сожалению, мне осталась недоступной работа: L. O e s o n o s. *La vie religieuse dans l'Empire byzantin au temps des Comnènes et des Anges*. Paris, 1918.

⁷⁶ А. А. Васильев. Византия и крестоносцы. Пг., 1923, стр. 98. Книга Васильева вошла во вторую часть его «Истории Византии», переведенной на ряд языков: A. V a s i l i e v. *History of the Byzantine Empire*, vol. 1—2. Madison, 1928—1929; i d e m. *Histoire de l'Empire byzantin*, vol. 1—2. Paris, 1932. Новое английское издание вышло в 1952 г. Есть также испанское, турецкое и греческое издания. В переводе раздел о внутренней истории комниновского периода был несколько расширен (см. М. А. Андреева. — *BS*, 2, 1930, p. 417).

поправил финансы (хотелось бы знать, каким образом), Мануил поставил страну «на край финансового банкротства» (стр. 100 и сл.) — все это можно было найти уже у Лебо, за полтораста лет до Васильева! Столь же не нова и «высокая оценка нравственной личности Иоанна, и западнические идеалы Мануила» (стр. 10), дальше которых не продвигается Васильев.

Особенно удивительно, что традиционный подход сохраняет Васильев к деятельности Андроника, словно не существовало работ Радойчича и Коньяссо. Социальная борьба уступает место противоречивости характера Андроника (стр. 11). Он улучшил положение «податных классов» (стр. 101 и сл.), стремился провести коренную реформу, установить «национальное правительство», ослабить служилую аристократию и поместное дворянство, но, встречая повсюду измену, вступил на путь террора, что заставило народ отвернуться от своего прежнего любимца (стр. 56 и сл.).

И. Соколов, рецензент книги Васильева, имел все основания сказать об этой книге примерно то же, что в свое время сказал сам Васильев о книге Шаландона: в разделе о внутреннем состоянии империи «автор ограничился лишь краткими и отрывочными замечаниями». Соколов добавляет: «вследствие малой разработанности этих проблем»⁷⁷. Добавление, как мы видим, неверно, ибо трактовка Васильевым деятельности Андроника — просто шаг назад в сравнении с достигнутым в начале XX в.

Столь же традиционными остались и взгляды на комниновский период Дилия. Еще в 1906 г. в «Византийских портретах» он описал романтическиехождения Андроника I, где движение истории оказывалось результатом честолюбивых стремлений гениальной и порочной личности⁷⁸. Те же принципы изложения сохраняются и в его разнообразных общих трудах, где известное место уделяется и Комнинам⁷⁹. На переднем плане у Дилия — блестящие государи, тонкие политики, способные полководцы (стр. 100 и сл.), но почему же тогда их правление влечет за собой фискальную тиранию и такие экономические просчеты, как привилегии иноземному купечеству (стр. 112)?

К этому давнему, ставшему привычным противоречию у Дилия добавляется еще одно: «Комнины (в этом отношении он следует за Гельцером) были знатным феодальным родом и их победа знаменовала триумф военной аристократии (стр. 99), в то же время их целью было вернуть власти императора ее былое могущество» (стр. 112). «Комнины, несмотря на свое происхождение, сдерживали рост феодалов», — писал Диль в одной из более поздних работ⁸⁰. Однако сказать «несмотря» еще не значит объяснить: противоречие только отмечается, но не снимается.

Позднее те же взгляды были изложены Дилем (вместе с Л. Экономосом) в соответствующем разделе многотомной «Истории средних веков»⁸¹, однако здесь авторы нарисовали более полную и конкретную картину. Алексей обладал благородным представлением о назначении государя (стр. 8) и провел важные мероприятия, чтобы воссоздать авторитет василевса (стр. 30). Синклитская знать оттеснялась на задний план и заменялась пре-

⁷⁷ И. Соколов. — «Slavia», VI, 1927, стр. 560.

⁷⁸ Ch. Diehl. Figures byzantines. Paris, 1906. См. русский перевод: Ш. Диль. Византийские портреты, вып. 2. М., 1914, стр. 95—148.

⁷⁹ Ch. Diehl. Histoire de l'Empire byzantin. Paris, 1920 (см. рецензию: А. Васильев. — «Анналы», 2, 1923, стр. 271 и сл.). Затем книга неоднократно переиздавалась (в 1924 и 1934 гг.). Здесь цитируется по русскому переводу: Ш. Диль. История Византийской империи. М., 1948.

⁸⁰ Ch. Diehl. Les grands problèmes de l'histoire byzantine. Paris, 1943. Цитирую по русскому переводу: Ш. Диль. Основные проблемы византийской истории. М., 1947, стр. 110.

⁸¹ Ch. Diehl. L. Economos. L'Europe Orientale de 1081 à 1453. — In: «Histoire du Moyen âge», IX, 1. Paris, 1945.

данной императору аристократией, преимущественно из его родни (стр. 31); был реорганизован флот, а армия перестроена на основе проний, получаемых крупными собственниками (стр. 30); порча монеты и фискальный гнет сочетались у Алексея с чувством справедливости (стр. 32).

То же самое авторы пишут и о преемниках Алексея. Они тоже уважали назначение государя (стр. 50, 78), поддерживали абсолютизм и вместо синклита опирались на узкий совет, созданный еще Алексеем (стр. 78). Они препятствовали, как и Алексей, росту крупной собственности (стр. 79) и тем не менее пришли к крайне тяжелому финансовому состоянию страны (стр. 81).

Но и противник Мануила, Андроник, тоже выступал против крупной аристократии и проводил полезные реформы. Он тоже хотел стать абсолютным монархом (*un maître absolu*), но омрачил свое недолгое царствование кровавым террором (стр. 87). Так, не разрешив прежних противоречий, Диль оказывается еще перед одним: различие политической линии первых трех Комнинов и Андроника исчезает, все они выступают борцами за абсолютизм, против крупного землевладения. Единственное, что выделяет Андроника, это пагубная склонность к террору.

Старый психологический метод объяснения событий все отчетливее обнаруживает свое бессилие разрешить «загадку Комнинов».

Дилю принадлежит специальная работа, носящая многообещающее заглавие «Византийское общество в эпоху Комнинов», но и там мы не найдем анализа социального развития Византии XII в. Общество для Дили — это придворный быт, религия и страноприимные дома, астрология и магия. Диль подробно и любовно обрисовывает портреты Комнинов, но он словно не догадывается, что общество складывается из определенных социальных группировок.

Диль провозглашает, что византийское общество переживало под влиянием Запада глубокие перемены, хотя и сохраняло свою «византийскую душу»⁸². Но в чем состояли эти перемены, остается неизвестным, разве что в заимствовании западных мод и обычаев (стр. 273).

Комниновский период, согласно Дилю, — это время расцвета и благосостояния (*de splendeur et de prospérité*) (стр. 198). Пусть так, но как увязать это со словами Дили о реальной слабости (*la faiblesse réelle*) империи (стр. 279)?

Можно было бы сказать, суммируя, что Диль сознает важность изучения внутренней жизни Византии, но оставаясь в тенетах воззрений историографии прошлого века, подменяет социальную историю историей быта, блестящих государей считает (по-прежнему) творцами истории и полагает, что они действовали ради самодовлеющего интереса — достижения абсолютной власти.

Проблемы истории комниновского периода затрагивались и в ряде общих работ, появившихся после первой мировой войны⁸³. Некоторые исследователи продолжают линию Гельцера, например А. Гейзенберг, видевший в Алексее государя, опиравшегося на высшую землевладельческую знать и выступавшего против столичного чиновничества. Как и Гель-

⁸² Ch. Diehl. La société byzantine à l'époque des Comnènes.— «Revue historique du Sud-Est européen», 6, 1929, № 7-9, p. 199.

⁸³ К сожалению, ряд опубликованных в 20 и 30-е годы общих работ остался мне недоступным, как-то: N. H. Baynes. The Byzantine Empire. London, 1925 (перездано в 1943 г.); J. Roméin. Byzantium. Geschiedkundig Overzicht van Staat en Beschaving in het Oostromeinsche Rijk. Zutphen, 1928 (см. рецензии: Ch. Diehl.— ВЗ, 31, 1931, S. 381f.; H. Grégoire.— Byz., 5, 1929/30, p. 754—758); O. Kiefers. Kaiser und Kaiserinnen von Byzanz. Berlin, 1937; H. Dier. Emperors, Angels and Eunuchs. London, 1938; L. Ranké. Geschichte des byzantinischen Reiches. Stuttgart, 1939.

цер, Гейзенберг благоприятно оценивает внутреннюю политику Алексея и даже считает, вопреки Дилю, финансовую систему этих лет благополучной (*glücklich geordnet*)⁸⁴. Иоанн и Мануил выступают верными наследниками основателя династии (стр. 194), и лишь за одну тяжелую ошибку Гейзенберг пеняет Мануилу — за допущение зависимости от венецианцев (стр. 197). Наконец, согласно с Гельцером Гейзенберг трактует политику Андроника. «Его решительное и экономное управление, — несколько неопределенно пишет Гейзенберг, — вызвало раздражение высшей знати, подавленное с необдуманной суровостью» (стр. 198).

Польский историк К. Закжевский также не считает уже возможным ограничиться характеристикой Комнинов как выдающихся личностей. Императоры этой династии в его изображении — представители византийского рыцарства^{84а}; и если их политика, несмотря на одаренность «великой тройки», не принесла реальных результатов (стр. 228), то причину этого следует искать в развитии феодальных порядков под влиянием Запада (стр. 236). Андроник возглавил оппозицию и повел за собой народные массы (стр. 230—232), но и его деятельность не дала плодов. Суть общественных противоречий XII в. Закжевский усматривает в столкновении принципов феодализма и «античной традиции тотальной (если пользоваться модным словечком) государственности»: неудачный эксперимент Андроника, стремившегося вернуться к прошлому, подготовил триумф феодализма (стр. 237).

Тезис о противоречии феодализма и византийской государственности, намеченный Закжевским, найдет в дальнейшем развитие, и в частности в работах Г. А. Острогорского.

Точно так же и А. Байи называет Алексея выходцем из среды военно-феодальной знати, находившейся в оппозиции к чиновничеству (*le fonctionnarisme*)⁸⁵; он оправдывает Алексея от нападок сторонников «римско-католической и западной точки зрения» (стр. 323). Но все это остается у Байи лишь заявкой: он не касается внутренней политики Алексея, и тезис о феодализме остается висеть в воздухе; не касается он и внутренней политики обоих преемников Алексея, зато относительно Андроника высказаны некоторые (впрочем, вполне традиционные) соображения: «неумолимый тиран», оказывается, произвел полную внутреннюю реорганизацию, принял решительные меры против феодализма, защищал мелких собственников (стр. 346 и сл.), — одним словом, перед нами полный набор высказываний в духе Фальмерайера и Гельцера. Естественно, что причины переворота против Андроника остаются для Байи непонятными (стр. 349).

Монографические исследования, посвященные отдельным проблемам истории комниновского периода, появлялись в это время крайне редко и по своему значению никак не могли идти в сравнение с монографиями начала XX в. (Шаландона, Радойчича, Коньяссо). Так, для Э. Макнила Андроник лишь тиран, захвативший престол после убийства своего родственника, юного Алексея II⁸⁶. Дж. Баклер в объемистой книге об Анне Комнин⁸⁷ уделяет немалое место внутренней политике отца Анны, рассматривает отношение Алексея к синклиту, изменение податной системы,

⁸⁴ A. Heisenberg. Das byzantinische Reich.— In: W. Goetz. Propyläen-Weltgeschichte, Bd. III. Berlin, 1932, S. 192.

^{84а} K. Zakrzewski. Dzieje Bizancjum. Warszawa, 1938, str. 207, 229.

⁸⁵ A. Bailly. Byzance. Paris, 1939, p. 303.

⁸⁶ E. H. McNeal. The Story of Isaac and Andronicus.— «Speculum», IX, 1934, № 3, p. 324.

⁸⁷ G. Buckler. Anna Comnena. Oxford, 1929. К сожалению, мне осталась недоступной другая монография об Анне Комнин: N. Mitchison. Anna Comnena. London, 1928.

церковную политику, военные бунты и заговоры гражданских лиц, но все эти данные нужны ей не для изучения социальных сил, а для выяснения личной роли императора, чью энергию она высоко ценит (стр. 259). Баклер подчеркивает, что Алексей лично управлял финансами (стр. 269 и сл.), «считал себя вправе конфисковать землю» (стр. 271).

Английская исследовательница много говорит о трудностях, с которыми столкнулся отец Анны Комнин: о пустой казне, доставшейся ему от предшественников (стр. 266), о нехватке средств для армии (стр. 357 и сл.), об оппозиции (стр. 275, 279). И это не позволяет Баклер так уверенно принять «абсолютизм» Алексея, как это сделал Диль. По ее мнению, в государстве существовала «странная смесь деспотизма и анархии, поклонения (в теории) полубожественному автократу и ужасающего неповиновения ему» (стр. 288). Развивая свою мысль, она полагает, что хотя император и считался главой церкви, однако у него не было прав распоряжаться церковной казной и церковными зданиями (стр. 301); и если все четыре патриарха при Алексее играли подчиненную роль, то это объясняется не слабостью патриаршей власти, а личным их ничтожеством (стр. 290).

Наблюдение Баклер существенно. Оно подрывает традиционный тезис о самодержавной власти константинопольских василевсов. Но исследовательница останавливается на полпути, не поднимает вопроса о природе этой двойственности византийской монархии — для нее важна лишь психологическая сторона подобного состояния дел: оказывается, трудно нести на голове византийскую корону (стр. 288)! Недаром У. Миллер в рецензии на книгу Баклер подчеркивал интерес исследовательницы к проблемам психологии ⁸⁸.

Правление Андроника Комнина, всегда приковывавшее внимание историков, было затронуто и в некоторых специальных работах тех лет, впрочем, лишь попутно. М. Паулова писала об Андронике вполне традиционно как о противнике аристократии ^{88a} — ее статья, посвященная иной тематике, и не претендовала на новое освещение внутренней политики этого государя. Целую главу уделил Андронику М. Бахман, но и он ограничился только замечанием, что новое время справедливее к узурпатору, нежели византийские риторы, пережившие его падение ^{88b}.

В противоположность Васильеву, Дилю и Баклер с их высокой оценкой личности и деятельности первых Комнинов в 20-е и 30-е годы распространяется другое, гораздо более критическое представление о комниновском периоде истории Византии. В рецензии на книгу Баклер Э. Штейн напоминал, что при всем могуществе восстановленного Алексеем государства Византия XII в. никак не может идти в сравнение с цветущей державой времен Иоанна Цимисхия или Василия Болгаробойцы ⁸⁹. По мысли Штейна, в VII в. в Византии победила «военно-крестьянская демократия», обеспечившая успехи империи. Переворот Комнинов, напротив, закрепил победу землевладельческой знати: крестьяне попадают в зависимость от динатов, что подрывает основы византийского могущества ⁹⁰.

Концепция Штейна, представляющая, как легко можно видеть, модификацию взглядов Успенского (см. выше, стр. 70), широко распространяется

⁸⁸ W. Miller.— BNJ, 7, 1930, S. 218.

^{88a} M. Paulová. Účast Srbů při třetí výpravě křížové.— BS, 5, 1933—1934, str. 256 a d.

^{88b} M. Bachmann. Die Rede des Iohannes Syropulos an den Kaiser Isaak II. Angelos. München, 1935, S. 50.

⁸⁹ E. Stein.— «Historische Zeitschrift», 194, 1931, S. 554.

⁹⁰ E. Stein. Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte.— «Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte», II, 1923, Hf. 1—2, S. 8.

в исторической литературе. Ее принимает, в частности, А. Тойнби, относящий упадок (breakdown) «православной христианской цивилизации» (т. е. Византии) к началу XI в. и усматривающий сущность этого упадка в росте имущественного неравенства, обеднении крестьянства и других аналогичных явлениях⁹¹. В ряде общих трудов по истории средних веков (где, надо сказать, Византии XII в. обычно не отводят самостоятельного места) мы встретим неодобрительную оценку деятельности Алексея; его внешнеполитические успехи объясняются случайными моментами, например ослаблением Норманского государства⁹².

Среди медиевистических работ этих лет серьезным вниманием к комниновскому периоду выделяется книга Л. Альфана⁹³. Французский историк ставит вопрос о совпадении (coincidence) общественного развития Западной Европы и Византии XII в.: и там и здесь в это время укрепляется монархическая власть (стр. 193). Казалось бы, Византия, подобно другим государствам Европы, избавилась от господства землевладельческой знати и централизация стала здесь реальностью (стр. 199 и сл.).

Вопрос о совпадении путей развития Византии и Запада в XII в. заслуживает пристального внимания. Можно было ожидать, что постановка этой проблемы наведет Альфана на мысль об однородности социальных причин этого явления на Западе и на Востоке. Но нет, отмеченное им совпадение остается для Альфана лишь случаем (hasard) (стр. 193): если монархи Запада отвоевывали в то время регалии и расширяли домен, то византийское самодержавие зиждилось на чисто военной диктатуре (стр. 199). В самом характере государей династии Комнинов ищет Альфан разгадку того, что «больной человек» обрел новые силы, а также в ослаблении турецкого натиска и в помощи крестоносцев (стр. 194).

Приглядимся к аргументации Альфана — она во многом искусственна. Конечно, натиск турок был остановлен еще до I крестового похода, а крестоносные полчища доставили Комнинам лишь новые неприятности (напомню хотя бы постоянные столкновения византийцев с Антиохийским княжеством в XII в.). И императорский домен в Византии XII в., по всей видимости, рос и укреплялся. И упрочение экономики провинциальных городов, по-видимому, здесь также имело место, выявляя еще одну аналогию с западным развитием. Совпадение, о котором говорит Альфан, может быть, вовсе не было таким случайным, как это кажется французскому историку...

В появившейся в 1940 г. «Истории Византийского государства» Г. А. Острогорского большое внимание уделено было внутренней истории Комнинов. Автор подробно рассматривает административные и финансовые мероприятия Алексея, систему проний и харистигарную систему, экономическое состояние государства при Мануиле, реформы Андроника. Но и в этой работе трактовка комниновского периода остается противоречивой.

Действительно, Острогорский отмечает величие Алексея как государственного деятеля⁹⁴, Иоанна называет величайшим среди Комнинов (стр. 266), говорит о возвращении к «здоровым отношениям средневи-

⁹¹ A. J. Toynbee. A Study of History, vol. IV. Oxford—London, 1939, p. 72.

⁹² C. Stephenson. Mediaeval History. New York—London, 1935, p. 294f. Ср. J. R. Strayer, D. C. Munro. The Middle Ages. New York—London, 1942, p. 221.

⁹³ L. Halphen. L'essor de l'Europe (XIe—XIIIe siècles). Paris, 1941. Первое издание вышло в 1932 г.

⁹⁴ G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1940, S. 258.

зантийской эпохи» при Мануиле (стр. 278). И рядом с этим — порча монеты (стр. 260), удвоение налогового бремени, разрушение финансовой мощи государства (стр. 261), нужда населения (стр. 279).

Почему же одаренные императоры, несмотря на укрепление государства (стр. 264, 269), в конечном счете привели страну к крайне тяжелому положению? Острогорский ищет разгадку в развитии феодализма, разлагавшего государственное единство (стр. 265). Видя в феодализме главное зло, Острогорский (вместе с Гельцером и Васильевым) расценивает Андроника как борца с феодализмом (стр. 281). Но император был бессильен сокрушить звать, давно уже превратившуюся в оплот государства: разгром знати подорвал основы обороны империи (стр. 282).

Изучение византийского феодализма позволило Острогорскому в дальнейшем конкретнее обрисовать процессы роста крупного землевладения в XI—XII вв. Действуя в интересах господствующего класса феодалов (*la classe féodale dominante*), Комнины широко осуществляли задачу проний, подрывая значение свободного крестьянства⁹⁵. С ростом феодального землевладения укреплялся в XII в. и иммунитет⁹⁶. Комнины были бессильны помешать увеличению числа частновладельческих крестьян⁹⁷.

В соответствии с новыми наблюдениями Острогорский во втором издании «Истории Византийского государства»⁹⁸ несколько меняет общую оценку деятельности Комнинов. Замечание о величии Алексея как государственного деятеля теперь убрано — зато Острогорский подчеркивает непрочность и временность (*superficial and temporary*) комниновской реставрации. Позиции империи не основывались при Комнинах на «здоровом внутреннем состоянии», и это обрекало их деятельность на неудачу (стр. 316).

Итак, Острогорский преодолевает противоречие, поставившее в тупик Васильева и Диля, — противоречие между величием политики Комнинов и конечным крахом империи. Никакого величия не было — был поверхностный и временный подъем (случайный, если пользоваться терминологией Альфана), не основанный на каких-либо существенных исправлениях внутренних зол. Империя Комнинов была феодальным государством, феодальные силы составляли его оплот (стр. 332); политика осуществлялась в интересах крупной собственности (стр. 348).

Трактовка политики Комнинов как феодальной династии, действовавшей в интересах землевладельческой знати, придавала концепции Острогорского целостность. Комнины приобрели свое социальное лицо, и это лицо, казалось бы, хорошо объясняет их внутреннюю политику. Однако мы вновь оказываемся перед скрытым противоречием.

Действительно, если феодализм это только разрушительная, центробежная сила, как с его помощью объяснить несомненный факт укрепления империи к началу XII в.? Пусть мы назовем реставрацию непрочной и временной, но как бы то ни было, феодальной династии ее удалось

⁹⁵ G. Ostrogorski j. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1956, p. 26 (перевод его сербской работы: Г. Острогорски. Пронија. Београд, 1951).

⁹⁶ Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. — ВВ, XIII, 1956, стр. 73 (работа переведена на французский язык: G. Ostrogorski j. Pour l'histoire de l'immunité à Byzance. — Byz., 28, 1958).

⁹⁷ G. Ostrogorski j. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956, p. 33.

⁹⁸ Немецкое издание вышло в 1952 г. и с дополнениями — в 1963 г., французский перевод в 1956 г., два английских перевода в 1956 и 1957 гг., в 1959 г. появилось сербское издание. Ниже цитируется по: G. Ostrogorski j. History of the Byzantine State. Oxford, 1956.

достичь. Действовавшая в интересах феодальной знати, раздававшая земли феодалам династия все-таки добилась укрепления авторитета императорской власти (стр. 332). Если же мы допустим, что феодальные элементы тоже могут нести в себе тенденции прогрессивные, или, скажем мягче, тенденции к укреплению государства, то окажется, что сам по себе рост феодализма не может объяснить упадок империи к концу правления Мануила. Недаром же Острогорский говорит, что Андроник в борьбе с аристократией сокрушал жизненный элемент (the vital element) государства и его обороны (стр. 353). И разве не чисто феодальным было войско, разгромившее в 1203—1204 гг. Византийскую империю?

Острогорский значительно приблизился к решению «загадки Комнинов», попытавшись определить социальную почву этой династии. Он превратил их из гениальных героев в выразителей интересов класса феодалов. Но это еще не объясняло подъема Византии в конце XI—XII столетии.

Мы подходим к последнему этапу в развитии зарубежной историографии—к периоду после второй мировой войны. В это время «загадка Комнинов» привлекает все меньше и меньше внимания. Монографических исследований, посвященных этой теме, практически нет. В общих трудах мы сталкиваемся с уже знакомыми и также противоречивыми оценками Комнинов. По-прежнему доминирует личное, психологическое объяснение их деятельности, по-прежнему вопросы внутренней политики остаются, как правило, далеко на заднем плане.

Некоторые исследователи продолжают линию безоговорочного прославления Комнинов. По мнению греческого историка К. Амандоса, только личные качества Алексея как полководца и политика объясняют его успехи⁹⁹, ибо тяжелое положение вынуждало его даровать привилегии венецианцам, обесценить монету, увеличить налоги, раздавать земли знати (стр. 317 и сл.). Очень благосклонно относится Амандос к Иоанну и Мануилу, но о внутренней политике первого он вообще ничего не может сообщить, а из реформ Мануила упоминает лишь те, которые свидетельствуют о его «либеральном духе» (стр. 357): упорядочение судопроизводства, запрет самопродажи в рабство, уравнение евреев перед судом. Напротив, Амандос полемизирует с Фальмерайером в оценке Андроника (стр. 367) и рисует последнего Комнина безжалостным тираном (стр. 363 и сл.).

В работе Амандоса успехи и неудачи империи оказываются непосредственным результатом энергии и таланта государей.

И хотя, казалось бы, в середине XX в. трудно было ожидать возрождения столь идеалистического подхода к «загадке Комнинов», тем не менее у Амандоса были сторонники. Так, Ш. Лежье в обширном повествовании о судьбах Византии в IX—XII вв. уделяет немало места Комнинам, но ограничивается чисто личной их характеристикой. Лежье заявляет, что Алексей начинает «новую эру»¹⁰⁰, но мы так и не узнаем, в чем она заключалась,— разве что в создании богаделен (стр. 456 и сл.). Деятельность Иоанна выводится из его благородства (стр. 461), Мануила — из противоречивости его характера (стр. 507), Андроника — из отсутствия истинного величия и настоящей морали (стр. 512 и сл.). Оценки, вполне достойные де Бюриньи или Лебо.

Столь же хвалебные и чисто личные характеристики Комнинам содержит книга Ш. де Клерка¹⁰¹. Об эпохе Комнинов как о времени воз-

⁹⁹ К. J. A m a n t o s. 'Ιστορία τοῦ Βυζαντινοῦ κράτους, т. 2. Αθήναι, 1947, σελ. 320.

¹⁰⁰ Ch. L e g i e r. L'Orient Chrétien. Paris, 1950, p. 356.

¹⁰¹ Ch. de C l e r q u e. Dix siècles d'histoire byzantine. Paris—Bruxelles, 1946, p. 53.

рождения (revival) говорит Дж. Ла Монте, но он не ищет социальных корней этого возрождения, ограничиваясь восхвалением талантов Алексея, Иоанна, Мануила и Андроника, преемники которых, увы, были лишены способностей¹⁰². Р. Хойт пишет об умелой политике Алексея, вернувшего государству «здоровые, хотя и ограниченные основы»¹⁰³.

Впрочем, игнорировать вовсе социальные проблемы правления Комнинов после работ Острогорского было уже нелегко. Поэтому большая часть исследователей старается соединить чисто психологические характеристики государей по крайней мере с упоминанием о феодализме и росте крупной собственности. При этом неминуемо обнаруживаются уже знакомые нам противоречия.

Как время последнего расцвета (un dernier éclat) рассматривает комниновский период К. Каэн, объясняящий укрепление Византийского государства в XII в. иными — внешнеполитическими причинами, а именно тем, что с потерей Малой Азии исчезли самые крупные роды византийской знати и государство могло теперь сдерживать центробежные силы¹⁰⁴. Заманчивое объяснение Каэна, однако ж, находится в противоречии с тем, что уже с середины XI в. наиболее значительные феодальные мятежи вспыхивали как раз не в Малой Азии, а в Македонии.

Французский историк Л. Брейе писал, что империя была спасена династией Комнинов, сумевшей реорганизовать государство¹⁰⁵. Он высоко оценивает Алексея I (стр. 295), Иоанна называет одним из лучших византийских императоров (стр. 320), говорит о попытках Мануила реформировать государство (стр. 328), и тут же мы узнаем, что Алексею не удалось восстановить «старое социальное и политическое равновесие» (стр. 297), что Мануил оставил империю разоренной (стр. 328). С одной стороны, Комнины вознесли империю на высшую ступень могущества (стр. 319), с другой, они ослабили авторитет государства (стр. 292).

К этой эклектичной трактовке Комнинов Брейе присоединяет и социальную характеристику, заимствуя ее у Острогорского. Комнины — выразители интересов знати, они способствуют росту крупных аpanажей и возрастанию монастырской собственности (стр. 292), что мирно уживается, впрочем, с конфискацией монастырских имуществ при Алексее (стр. 298)¹⁰⁶.

Те же противоречия остаются и в другой работе Брейе, посвященной византийским учреждениям: Алексей то выступает вождем военной знати¹⁰⁷, то осуществляет политику централизации (стр. 140).

Вполне традиционной и противоречивой остается у Брейе и характеристика Андроника I, одновременно великого реформатора и безжалостного тирана¹⁰⁸.

Таким образом, суждения Брейе эклектичны. Не приближая нас к пониманию сущности политики Комнинов, они еще более отчетливо обнаруживают противоречивость существующих мнений. Действительно, осуществили ли Комнины реформу государства или ограничились только

¹⁰² J. L. La Monte. The World of the Middle Ages. New York, 1949, p. 324—328.

¹⁰³ R. S. Hoyt. Europe in the Middle Ages. New York, 1957, p. 232.

¹⁰⁴ Cl. Cahen.— In: «Histoire générale des civilisations», vol. III: Le Moyen âge. Paris, 1955, p. 308.

¹⁰⁵ L. Bréhier. Vie et mort de Byzance. Paris, 1947, p. 292.

¹⁰⁶ В ранней работе Брейе высказывал мысль, что Алексей лишил монастыри и «архонтов» привилегий и иммунитетов (L. Bréhier. Alexis I.— «Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques», vol. II. Paris, 1914, col. 385).

¹⁰⁷ L. Bréhier. Les institutions de l'Empire byzantin. Paris, 1949, p. 386.

¹⁰⁸ L. Bréhier. Vie et mort..., p. 346 sq. Cp. idem. Andronik Ier.— «Dictionnaire...», vol. II, col. 1780—1782.

раздачей титулов¹⁰⁹ и изменением системы набора в армию¹¹⁰? Добились ли они централизации или ослабили государственный аппарат? Раздавали ли земли монастырям или конфисковали монастырские имущества? Ясности по-прежнему нет.

Г. Мосс повторяет старую характеристику Гельцера, считая победу Комнинов торжеством крупных земельных собственников над столичным чиновничеством. Он проявляет известный интерес к экономической жизни, отмечая отказ богачей (*wealthy classes*) участвовать в морской торговле и связывая ухудшение солида с потерей азиатских провинций. Но экономические факторы для Мосса, как и для Брейе, не могут служить объяснением подъема империи — только «военный гений» Алексея, только таланты «блестящей династии» спасли страну вопреки всем экономическим и политическим затруднениям¹¹¹.

В той же манере подается история Комнинов и у С. Превитэ-Ортона: Алексей действовал в трудных условиях, но он спас страну¹¹², хотя и был вынужден для этого прибегать к крайнему напряжению податного гнета, к раздаче земель знати (стр. 534 и сл.). При Мануиле страна достигла полного расцвета (*the full bloom*), но была ослаблена распространением системы проний и неудачной реорганизацией флота (стр. 539). (Отмечу попутно, что эта реформа флота в действительности имела место при Иоанне: Превитэ-Ортон повторяет ошибку Шаландона.) Действия Андроника — «эра реформ» (стр. 541), хотя непонятно, откуда такая острая потребность в реформах после столь благополучного царствования одаренных полководцев и администраторов.

Подобно Брейе и Моссу, Р. Гийан рассматривает Комнинов как представителей аристократии, сумевших восстановить жизнеспособное государство¹¹³, но их конкретные мероприятия в описании Гийана отнюдь не объясняют такого восстановления: Алексей ухудшил монету, взимал тяжелые подати (стр. 228), Мануил ослабил империю (стр. 227). К тому же укрепилось положение крупных собственников (стр. 221), торговля перешла в руки итальянских купцов (стр. 222 и сл.), флот находился в упадке (стр. 223). Где же, наконец, силы, вызвавшие к жизни упрочение империи? Алексей не мог подавить тех зол, которые грозили стране (стр. 226), и только Андроник выступил защитником угнетенных (стр. 228).

То же самое противоречие мы находим у Дж. Хассей, называющей Комнинов великой династией¹¹⁴, Алексея — умелым администратором (стр. 58 и сл.), Мануила — блестящим правителем (стр. 62), а вместе с тем рисующей тяжелое экономическое положение Византии (стр. 67) и сочувствующей ее «несчастному населению» (стр. 59). Это противоречие приобретает у Хассей еще более конкретный характер. Она считает Комнинов династией земельных магнатов (стр. 53, 60), полагает, что в создавшихся условиях одно лишь господство землевладельческой знати могло укрепить государство (стр. 54), связывает с победой Комнинов отсрочку на сто лет распада империи (стр. 53) и одновременно усматривает в феодализме ту силу, которая ослабила авторитет государства и вызвала хозяйственный упадок (стр. 67).

¹⁰⁹ L. Bréhier. *Vie et mort...*, p. 296; *idem*. *Les institutions...*, p. 138 sq.

¹¹⁰ L. Bréhier. *Vie et mort...*, p. 298; *idem*. *Les institutions...*, p. 386.

¹¹¹ H. St. L. B. Moss. — In: «Byzantium. An Introduction to East Roman Civilization». Oxford, 1948, p. 28 f.

¹¹² C. W. Previté-Orton. *The Eastern Empire under the Comneni*. In: «The Shorter Cambridge Mediaeval History», vol. I. Cambridge, 1952, p. 532.

¹¹³ R. Guillaud. *L'Empire byzantin*. — In: «Histoire universelle», vol. II. Paris, 1957, p. 225 sq.

¹¹⁴ J. M. Hussey. *The Byzantine World*. London, 1957, p. 60.

Противоречие, обнаруживаемое в концепции Хассей, позволяет заметить, что «загадка Комнинов» все больше сводится к проблеме феодализма. Был ли феодализм только разрушающей «раковой болезнью» (как писал еще Гельцер) или в нем заключались какие-то творческие элементы, позволяющие обществу двигаться вперед?

Противоречия между традиционным взглядом на Комнинов как на династию героев и столь же традиционным представлением о финансовом гнете и хозяйственном упадке Византии комниновского периода можно было попытаться решить, пожертвовав апологетическим отношением к этой династии. Именно так поступил П. Лемерль в рецензии на Брейе, где он объяснил уступки Алексея крупной светской и духовной знати началом несчастья Византии¹¹⁵. Лемерль перечислял — совсем в духе Штейна или Тойнби — социальные бедствия, ослабившие империю: рост крупной собственности, закрепощение крестьянства, исчезновение воинских наделов, иммунитеты (стр. 167).

Но так было в рецензии. Позднее Лемерль все более склонялся к представлению о неизменности социальных условий в Византии и, в частности, пришел к выводу о сохранении при Комнинах старой воинской организации: нет оснований считать, полагал он, что иноземцы в Византии обычно получали землю за службу¹¹⁶. Он стал говорить о прочности империи, о ее экономическом процветании в XII в., хотя она постепенно теряла главный источник своего богатства — роль посредника между Западом и Востоком¹¹⁷.

Более последователен в негативной оценке Комнинов П. Мутафчиев. Он прямо говорит о темных сторонах деятельности Алексея и объясняет их тем, что поставленный у кормила аристократией государь должен был выполнить требования этой группы¹¹⁸. Иоанн не обращал внимания на внутренние нужды государства и дал развиваться разрушительным социальным и экономическим тенденциям (стр. 493). При Мануиле свободное крестьянство почти исчезает, уступая место бесправному сельскому населению на земле крупных собственников (стр. 509). И только при Андронике византийское самодержавие предпринимает последнюю попытку справиться с аристократией (стр. 515).

Как период внутреннего разложения (*die innere Auflösung*), связанного с ростом феодализма, рассматривает это время и Г. Хауссиг¹¹⁹. И. Данstrup также выдвигает на передний план упадок, охвативший империю при Комнинах¹²⁰. Об этом упадке пишет и Ф. Гансхоф¹²¹.

Крайне неблагоприятно судит об Алексее I Б. Лейб, однако его осуждение вызывает не уступка венецианским купцам или раздача земель в проиону. Лейб критикует Алексея с религиозных и моральных позиций — за несовершенное христианство (*un christianisme incomplet*). Опираясь на узкую группу военачальников, Алексей игнорировал обще-

¹¹⁵ P. L e m e r l e. Une nouvelle histoire de Byzance.— «Journal des Savants», 1948, juillet—décembre, p. 159.

¹¹⁶ P. L e m e r l e. Recherches sur le régime agraire à Byzance: la terre militaire à l'époque des Comnènes.— «Cahiers de civilisation médiévale», II, 1959, № 3, p. 279.

¹¹⁷ P. L e m e r l e. Histoire de Byzance. Paris, 1956, p. 99 sq.

¹¹⁸ П. М у т а ф ч и е в. История на Византия, ч. I. София, 1947, стр. 489 и сл.

¹¹⁹ H. W. H a u s s i g. Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1959, S. 389.

¹²⁰ J. D a n s t r u p. Manuel I's coup against Genoa and Venice in the Light of Byzantine Commercial Policy.— «Classica et mediaevalia», X, 1949, p. 202. К сожалению, мне осталась недоступной его работа об Андронике: *idem*. Recherches critiques sur Andronic Ier. Lund, 1945. Согласно заметке Ф. Дэльгера (F. D ö l g e r.— BZ, 43, 1950, S. 135), Данstrup (вслед за Коньяссо) показал, что политика Андроника вовсе не была враждебной венецианцам.

¹²¹ F. L. G a n s h o f. Le moyen âge. Paris, 1953, p. 80, 173.

ственное благо¹²². Он не был ни самым достойным, ни самым благородным в среде византийской аристократии — вот почему против него без конца создавались заговоры¹²³. Трактовка Лейба, как легко видеть, возвращает нас далеко назад, во времена Лебо.

Наиболее последовательно, но совершенно с иных, с материалистических позиций, критикует политику Комнинов Г. Кордатос. Переворот Комнинов, согласно Кордатосу, привел к победе класса феодалов, что влекло за собой новые налоги, притеснения, нищету¹²⁴. Кризис был настолько глубок, что народные массы предпочитали власть турок (стр. 539).

По словам Кордатоса, Комнины — защитники господствующего класса в целом: они действовали в интересах феодалов, высшего чиновничества, крупных кушцов и духовной знати, тогда как мелкая торговля и ремесло оставались в пренебрежении (стр. 543). Гнет был настолько значителен, что даже среди феодалов многие ненавидели Комнинов (стр. 540).

Кордатос рисует картину дезорганизации государственного аппарата, армии и флота (стр. 550) и особо — губительное влияние монашества (стр. 552 и сл.).

В это критическое время к власти пришел Андроник, энергичный вождь, которого искали народные массы (стр. 569). Он провел реформы в защиту бедноты, и Кордатос даже сравнивает его с Аристиком Пергамским (стр. 576). Андроник хотел установить всеобщее равенство, но его современники, еще не созрели для таких общественных порядков (стр. 584) — воззрение, которое мы уже встречали у Радойчица.

Сторонникам критического взгляда на Комнинов нельзя отказать в последовательности: противоречие между одаренностью Комнинов и печальными последствиями их политики находит, таким образом, свое разрешение. Но сторонники такого взгляда выбрасывают вместе с водой и ребенка — самое «загадку Комнинов». Сказать, что при Комнинах было плохо, отнюдь не значит объяснить причину укрепления государства. Какую бы социологическую фразеологию мы при этом ни использовали, как бы ни называли Комнинов феодалами из феодалов, мы не поймем при негативно-критическом суждении о них, почему из развала и хаоса XI в. родилось жизнеспособное государство.

Но спросим себя, действительно ли совершили Комнины те преступления, в которых их обвиняют от Лебо до Кордатоса. Говорят, что при Комнинах возрос податный гнет, но кто может доказать это, если мы не знаем податных норм ни при Алексее I, ни, скажем, при Василии II? Говорят, что Алексей ухудшил монету, но в последнее время была высказана мысль, что известная инфляция может соответствовать интересам экономического прогресса¹²⁵; следовательно, мероприятия Алексея вполне могут быть объяснены не произволом, а экономической необходимостью. И, кстати сказать, такая инфляция должна была облегчить положение именно тех, кто платил ренту и налог в денежной форме.

Говорят, далее, что Комнины погубили византийское ремесло и торговлю, но в последнее время становится все более отчетливым, что именно на правление Комнинов приходится подъем провинциальных городов,

¹²² B. Leib. *Aspects religieux de la révolution des Comnènes (1084)*.— «*Orientalia Christiana Periodica*», XXI, 1955, p. 203 sq.

¹²³ B. Leib. *Complots à Byzance contre Alexis I Comnène*.— BS, 23, 1962. См. мои возражения: ВИ, 1963, № 9, стр. 185 и сл.

¹²⁴ G. K. Kordatos. *Ἱστορία τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας*, т. 1. Ἀθήναι, 1959, σελ. 537.

¹²⁵ Ph. Grierson. *Coinage and Money in the Byzantine Empire*.— «*Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo*». Spoleto, 1961, p. 444 sg.

по крайней мере на Балканах ¹²⁶, что Комнины поддерживали и поощряли рост городов ¹²⁷. Комнинам ставят в вину капитуляцию перед землевладельческой знатью, но разве не противоречит этому редкость иммунитетных грамот Иоанна и Мануила ¹²⁸?

Из всех этапов византийской истории комниновский период привлекал, пожалуй, наименьшее внимание марксистской историографии. В общих курсах истории средних веков, как правило, Византия XII в. не находила себе особого места, о ней вспоминали лишь в связи с крестовыми походами. Историки-медиевисты обычно ограничивались тем, что определяли Комнинов как ставленников «крупнейшей знати» ¹²⁹, как представителей «крупнейшего землевладения» ¹³⁰, «крупного феодального землевладения» ¹³¹, «провинциальной военно-служилой знати» ¹³². Иногда к этому прибавляли, что династия Комнинов «окончательно узаконяет господство новой прочно сложившейся теперь в Византии феодальной аристократии» ¹³³ или что Комнины содействуют поглощению феодалами остатков свободного крестьянства ¹³⁴.

Интересующая нас «загадка Комнинов» оставалась, таким образом, вне поля зрения советских медиевистов. Не поставлена эта проблема и в анонимной статье «Комнины» во втором издании «Большой Советской Энциклопедии», где мы также читаем, что политика этой династии «была направлена на укрепление феодальных отношений». Комнины беспощадно подавляли «многочисленные (?) народные восстания, содействовали закреплению крестьянства, увеличивали налоговый гнет, игнорировали интересы ремесла и торговли. Остается непонятным, как подобные мероприятия могли привести к укреплению государства, особенно в труднейших внешнеполитических условиях, унаследованных Комнинами,— впрочем, автор удовлетворяется тем, что успехи Комнинов «не могли быть прочными в период прогрессирующего феодального распада Византии» ¹³⁵.

Более глубокий анализ социальной политики Комнинов мы находим у М. В. Левченко. По его мнению, Комнины опирались на союз наиболее могущественных аристократических родов, которые, потеряв свои латифундии в Малой Азии, тесно сплотились вокруг правящей династии и компенсировали себя важными и прибыльными должностями в центре и в провинции. Это позволило господствующему классу на столетие задержать «распад государства», тем более что сохранившиеся города давали обильные доходы ¹³⁶.

¹²⁶ D. A. Zakythenos. Korreferat zu E. Kirsten. Die byzantinische Stadt.— «Beiträge zum XI. Byzantinisten-Kongress». München, 1958, S. 50. Cp. P. Tivčev. Sur les cités byzantines aux XIe—XIIe siècles.— «Byzantinobulgarica», I, 1962, p. 149.

¹²⁷ A. Glykatzis-Ahrweiler. Les fortresses construites en Asie Mineure face à l'invasion seldjoudice.— «Akten des XI. Byzantinisten-Kongresses». München, 1960.

¹²⁸ F. Dölger. Die Kaiserurkunden des Johannes-Theologos-Klosters auf Patmos.— BZ, 28, 1928, S. 342.

¹²⁹ С. И. Архангельский. История средних веков. Горький, 1937, стр. 138.

¹³⁰ Е. А. Косминский. Лекции по истории средних веков. М., 1938, стр. 196.

¹³¹ История средних веков, т. I. М., 1941, стр. 444.

¹³² З. В. Удальцова. Византийская империя в XI—XV вв.— В кн.: История средних веков, т. I. М., 1952, стр. 567.

¹³³ А. Д. Удальцов. Византия. Южные славяне. Арабы. М., 1940, стр. 12.

¹³⁴ В. Ф. Семенов. История средних веков. М., 1961, стр. 107.

¹³⁵ БСЭ², т. 22, 1953, стр. 281.

¹³⁶ М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 198. Есть английский, французский, болгарский и новогреческий переводы этой книги.

Ценность концепции Левченко заключается в том, что он не ограничивается приложением к Комнинам словечка «крупнейшая землевладельческая знать» или «феодалы аристократия», но стремится выяснить конкретные судьбы феодальной знати, позволившие укрепить расшатанное государство. Сплочение высшей феодальной знати, использование сохранившихся городов — это, действительно, реальные материальные условия, которые *могли бы* привести к упрочению империи. Может показаться, что «загадка Комнинов» решена.

Однако обратимся еще раз к концепции Левченко. По его мысли, материальную базу возрожденной империи составляли доходы от *сохранившихся* городов. Следовательно, нет оснований думать, что эти доходы в XII в. были более значительными, чем в XI столетии, когда империя трепала по всем швам. Левченко допускает сокращение византийской торговли, экономическую зависимость от Венеции, падение ценности монеты (стр. 214 и сл.). Значит, экономические условия Византии XII в., какими их рисует Левченко, сами по себе еще не объясняют возрождения империи при Комнинах.

Не объясняет его и тот социальный фактор, о котором говорит Левченко, — превращение провинциальной знати в служилую, в чиновничество. Будь это так, империя просто вернулась бы к прежнему статусу, существовавшему в середине XI в., когда политику направляла, пользуясь словами самого Левченко, «партия гражданских чиновников» (стр. 172), приведшая страну к кризису. И действительно, обращаясь к характеристике конкретной политики Комнинов, Левченко изображает ее совсем не похожей на политику в интересах сплотившейся вокруг императора знати. «Права и средства центрального правительства, — говорит Левченко, — постепенно и незаметно переходили в руки феодальной знати» (стр. 208), следовательно, осуществлялась не централизация, а децентрализация управления. Система обороны строилась «на экономически мощном крупном землевладении» (стр. 210), что опять-таки никак не соответствовало политике консолидации сил феодалов. Левченко говорит о создании экзимирированных округов, где судебная и административная власть принадлежала земельным собственникам (стр. 210), — и это отнюдь не свидетельство консолидации феодального государства.

Таким образом, Левченко стремился выяснить социальную природу власти Комнинов, совершенно основательно полагая, что именно в этом кроется решение «загадки Комнинов». Но конкретный анализ привел его к противоречивому решению: чтобы объяснить упрочение империи, он выдвинул концепцию консолидации сил феодалов вокруг государя, но реальные действия Комнинов рисовал как способствующие распаду государственного единства.

С позиций социального анализа стремился объяснить деятельность Комнинов и М. Я. Сюзюмов. По его мнению, победа Комнинов явилась переломным моментом в процессе перехода Византии к развитому феодализму. Победа феодалов губительно отразилась на судьбах городов, которые с конца XI в. приходят в упадок. Ослабление городов лишает императорскую власть возможности маневрировать между феодалами и торгово-ремесленной верхушкой и заставляет капитулировать перед феодалами¹³⁷. Упрочение феодальных институтов приводит к торжеству феодальной раздробленности, к сепаратистским движениям, к распаду империи (стр. 57 и сл.).

¹³⁷ М. Я. Сюзюмов. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии. — «Византийские очерки». М., 1961, стр. 53 и сл.

Нетрудно убедиться, что концепция Сюзюмова объясняет лишь ослабление Византии в конце XII в., а не возрождение ее в конце XI столетия. Пусть «гибельные последствия политики Комнинов обнаружались лишь впоследствии» (стр.—54),— эта политика должна была содержать какие-то конструктивные элементы и отвечать каким-то социально-экономическим потребностям эпохи, если Комнинам действительно удалось воссоздать из руин могущественную империю.

В более поздней статье Сюзюмов характеризовал Алексея как представителя провинциальной знати и писал, что в XII в. оформляются феодальные институты. Государство активно содействовало закабалению крестьян феодалами, хотя и оставалось по-прежнему «бюрократической монархией»¹³⁸. Все это опять-таки не разрешает «загадки Комнинов», однако существенно, что теперь, в отличие от предыдущих статей, Сюзюмов допускал экономический подъем провинциальных городов (стлб. 453). Так нащупывается экономический фактор, который мог бы служить одной из причин укрепления Византийского государства¹³⁹.

Лишь один момент в истории комниновского периода вызвал пристальное внимание историков-марксистов — деятельность Андроника Левченко, поддерживая мнение Фальмерайлера, назвал правление последнего Комнина «демократической монархией», считая, что он опирался на «нижние слои народа», боролся против эксплуататоров крестьянства и произвел «замечательные перемены во внутреннем управлении»¹⁴⁰. И авторы учебника по истории средних веков для университетов полагали, что Андроник поддерживал «гибнущее свободное крестьянство»¹⁴¹.

Пересмотр представления о народном характере власти Андроника был начат в советской историографии З. В. Удальцовой, которая считала, что он выступил не ради действительного облегчения судеб народных масс, но в целях укрепления своего господства. Но как бы то ни было, исследовательница признает, что Андроник облегчил налоговое бремя, упростил бюрократический аппарат, боролся с вымогательствами¹⁴².

Те же идеи были развиты М. М. Фрейденбергом в специальном исследовании о правлении Андроника. Фрейденберг также полагает, что у Андроника была «широкая программа реформ административного и фискального аппарата»¹⁴³, реформ, которые, впрочем, не затрагивали основ господства класса феодалов, хотя и нанесли серьезный ущерб чиновничеству (стр. 41 и сл.). Эта программа отвечала интересам части провинциального дворянства, она была выдвинута под давлением классовой борьбы в Константинополе (стр. 48).

Взгляды Фрейденберга нашли полную поддержку в работе Г. Г. Литаврина¹⁴⁴. И по его мнению политика Андроника была вызвана «страхом перед усилением классовой борьбы угнетенных» (стр. 96); и по его мнению Андроник, выступая против крупных феодалов, привлекал на свою сторону представителей мелкого и среднего феодального землевладения, а также свободное крестьянство и городских ремесленников и торговцев (стр. 97).

¹³⁸ М. Я. Сюзюмов. Византия.— СИЭ, т. III, 1963, стлб. 452 и сл.

¹³⁹ Об экономическом подъеме Византии в первой половине XII в. см. также А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958, стр. 205 и особенно стр. 106—109.

¹⁴⁰ М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 215 и сл.

¹⁴¹ История средних веков, т. I, 1941, стр. 445.

¹⁴² З. В. Удальцова. Византийская империя в XI—XV вв., стр. 569 и сл.

¹⁴³ М. М. Фрейденберг. К истории классовой борьбы в Византии в XII веке.— «Уч. зап. Великолукского пед. ин-та», 1954, стр. 38.

¹⁴⁴ Г. Г. Литаврин. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг.— ВВ, X, 1956, стр. 92 и сл. Ср. стр. 96.

Не принимал мысль о «демократичности» Андроника и К. Н. Юзбашян, хотя и он признавал, что положение народных масс улучшилось в результате реформ этого императора¹⁴⁵. Как и Фрейденберг, Юзбашян считал, что Андроник был вынужден пойти на уступки народным массам, опасаясь обострения классовой борьбы (стр. 34). Но если для Фрейденберга Андроник — вождь провинциального дворянства, ограничивающий произвол чиновничества (иными словами, продолжатель традиционной линии Комнинов, как ее понимал Гельцер и его последователи), то для Юзбашяна последний Комнин — «носитель идеи централизма» (стр. 31), действующий в интересах крупной столичной бюрократии (стр. 35).

И Сюзюмов подверг критике теорию «демократичности» Андроника, который, по его мнению, действовал демагогически в отношении крестьянских масс¹⁴⁶. Сюзюмов в какой-то мере приближается к взглядам Юзбашяна, полагая, что задачей Андроника было создать централизованную греческую монархию (стр. 68), но он совершенно по-иному определяет социальную опору реформатора. Как мы помним, Сюзюмов считал, что до конца XI в. византийские императоры поддерживали городскую знать; династия Комнинов, осуществляя политику провинциальных феодалов, перестала защищать интересы торгово-ремесленных кругов (стр. 58 и сл.). Действия Андроника, напротив, в основном соответствовали интересам торговых кругов столицы (стр. 67).

Точку зрения Сюзюмова воспринял и польский историк О. Юревич, считавший, что Андроник выражал интересы городской знати и ремесленной верхушки¹⁴⁷. Вместе с тем Юревич полагает, что Андроник действительно пошел на уступки крестьянству и осуществил «оздоровление аграрных отношений в провинции» (стр. 117, 139 и сл.). Но Андроник не искал подлинной опоры в крестьянстве и городском плебсе, и это привело его к краху (стр. 141).

Совершенно по-иному оценивает деятельность Андроника болгарский исследователь П. Тивчев. Как и Фрейденберг, он подчеркивает, что реформы Андроника не привели к каким-либо переменам в социальном строе империи; более того, переходя от lamentаций Никиты Хониата к анализу деловых документов, Тивчев показывает, что реформатор на деле покровительствовал крупным феодальным сеньорам¹⁴⁸. У Андроника, полагает Тивчев, не было солидной социальной опоры, союз крестьянства и горожан с новым правительством явился временным и непрочным (стр. 35 и сл.). Объединение разнородных оппозиционных сил было вызвано общей ненавистью к политике Комнинов, покровительствовавших феодальной знати (стр. 22 и сл.).

Плодотворность изучения реформ Андроника в марксистской историографии очевидна. Давно уже выяснилась несостоятельность идеалистической трактовки их как выражения воли гениального кутилы. Не приближала к пониманию их сути и попытка свести деятельность Андроника к борьбе национальной партии против латинян¹⁴⁹. Радойчиц и Ко-

¹⁴⁵ К. Н. Ю з б а ш я н. Классовая борьба в Византии в 1180—1204 гг. IV крестовый поход. Ереван, 1957, стр. 33, 35.

¹⁴⁶ М. Я. С ю з ю м о в. Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 году.— ВВ, XII, 1957, стр. 65 и сл.

¹⁴⁷ О. J u g e w i c z. Andronik I. Komnenos. Warszawa, 1962, str. 115.

¹⁴⁸ P. T i v č e v. Le règne de l'empereur de Byzance Andronic Ier Comnène (1183—1185).— BS, 23, 1962, p. 34 sq.

¹⁴⁹ Н. П. Соколов убедительно показал, в частности, что Андроник не придерживался антивенецианской политики (Н. П. С о к о л о в. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963, стр. 307 и сл.). К сожалению, от него ускользнуло, что эта мысль уже была высказана Коньяссо и Данструпом (см. выше, стр. 91, прим. 120).

ньяссо впервые поставили вопрос о социальной подоплеке борьбы партий после смерти Мануила, но они оперировали с весьма неконкретными категориями: «клизр», «народ» и т. п. В марксистской историографии проблема была перенесена в сферу изучения конкретных социальных групп, действовавших в 80-е годы XII в. Реформы Андроника были поставлены в связь с борьбой классов.

Правда, сразу же обнаружилось, что решить эту проблему нелегко, что на данном этапе возможны различные гипотезы, но как бы то ни было, несостоятельность концепции Фальмерайера обнаружилась со всей очевидностью.

Но чтобы разрешить вопрос о социальной природе деятельности Андроника, необходимо понять, против чего она была направлена. Он выступал против режима, упрочившегося при первых Комнинах, — но чем же был этот режим? Если Андроник действовал в интересах городской верхушки, то нужно предположить вместе с Сюзюмовым, что первые Комнины ущемляли развитие городов. Но мы видели, что сам Сюзюмов пришел к признанию экономического подъема городов при Комнинах. Если Андроник действовал — так полагал Фрейденберг — в интересах провинциальной знати, то выходит, что первые Комнины были противниками провинциальной знати. Но этот тезис противоречит ставшему общим местом представлению о развитии феодальных порядков при этой династии. Если Андроник (по мнению Тивчева) покровительствовал крупным собственникам, то выходит, что его политика не отличается в принципе от политики первых Комнинов, но в таком случае оказывается непонятной вся острота борьбы 80-х годов. Если Андроник восстанавливал централизацию — таково суждение Юзбашяна, — то выходит, что первые Комнины ослабили государственный аппарат, а это никак не вяжется со всей централизаторской деятельностью Алексея, Иоанна и Мануила.

И вот мы останавливаемся перед тем, с чего начали: мы не можем понять реформы Андроника, если не решим «загадку Комнинов», если не поймем причин возрождения империи в конце XI в. Странное дело! История комниновского периода, по сути дела, не стала еще предметом монографического изучения, если не считать темы «Андроник Комнин» и двух книг Шаландона, где внутренняя история — самая слабая область. В общих же работах по поводу Комнинов были высказаны самые противоположные взгляды: от безоговорочного осуждения до безоговорочного панегирика. На трактовке комниновского периода сказались политические и философские воззрения, религиозные и националистические убеждения. Сказалось идеалистическое преклонение перед сильной личностью и пренебрежение ролью народных масс. Сказались монархистские идеалы и ненависть к абсолютизму. И все же развитие историографии Комнинов имело свою, внутреннюю закономерность.

Наука начала с представления, будто Комнины творили историю по своему произволу. Лебо казалось, что их политика была успешной, когда трон занимал добрый монарх, и пагубной, когда к власти приходил порочный государь. Затем выяснилось, что народ — это не только пассивная глина, из которой монарх лепит историю. Народ приобрел право оказывать сопротивление деятельности монарха, и тогда на консерватизм византийского народа легла вина за безуспешность политики императоров. Дальше стало ясным, что императоры сами отнюдь не всегда вольны в своей политике, что они выражают требования политических партий. Вслед за тем начала вырисовываться экономическая основа политической борьбы: развитие феодальных процессов, судьбы городов оказались более мощными факторами, чем воля государей. И, наконец, сделан последний

шаг — экономическое развитие было увязано с политической борьбой и поставлен вопрос о конкретных социальных корнях политических акций.

Разумеется, в наше время нельзя искать объяснения политики Комнинов в психологии и моральном уровне государей, а ведь именно так поступают и поныне Лежье, Лейб и иные исследователи, отстаивающие вчерашний день в науке.

Но социальный анализ — не игра в слова. Недостаточно сказать, что Комнины выражали интересы всего господствующего класса: это так же неопределенно, как и представление, будто они были ненавистны «всем». Немногим лучше ставшее ходовым определение Комнинов как выразителей интересов феодальной аристократии вообще. В 1081 г. произошла смена группировок господствующего класса у кормила правления. В чем она состояла? Какая группа пришла к власти?

Попытка видеть в Комнинах носителей феодальной анархии тоже не оправдала себя. Только поиски конструктивных начал в их деятельности могут дать решение «загадки Комнинов» и объяснить столетний период упрочения империи.

Наряду с методологией прогрессировали и методы. Для Лебо нарративные источники были главным материалом; Тафель, Васильевский и Успенский сделали очень много, расширив круг памятников, служащих для изучения внутренней истории XII в. Привлечение актов, археологических и нумизматических данных позволяет приблизиться к более объективному суждению о комниновском периоде.

Первым исследователям был свойственен произвол в подборе данных. С именем Остера связана первая (пусть не всегда удачная) попытка критически и всесторонне рассмотреть совокупность источников. Назрела пора еще раз проделать эту работу с учетом нового материала и применительно ко всему столетию.